КОНСОНАНС

декабрь 2014 г. *выпуски №№30-32*

Нижегородская государственная консерватория
(академия) им. М.И. Глинки

Содержание:

Консерватория сегодня, завтра:

Слово ректора 3

По следам фестивалей:

I Всероссийский музыкально-педагогический форум
Н. Никулина 5

Александр Дмитриевич Улыбышев — Вернуться к истокам своим
Н. Оськина. 7

Театр на Выксе: «вчера» и сегодня
Н. Никулина 9

«Сон или явь?»
К. Половникова 12

Фестиваль «Барокко и классика» в Нижнем Новгороде
К. Кошкина 14

Юбилейный год «Солистов Нижнего Новгорода»
В. Сорокина. 15

Primadonna скрипки: Алёна Баева о себе и не только...
В. Сорокина. 17

Музыка современности в «Картинках»
О. Капустян 21

Дирижер Владимир Онуфриев. 24

Факультету народных инструментов 55 лет
О. Вишнякова 26

Полемические заметки:

Опера «Руслан и Людмила» Глинки в контексте интерпретаций
Л. Птушко, В. Сорокина. 27

Чтобы что-то изменить
В. Бражникова 30

Наши Юбиляры:

«Одиссея» Андрея Михайловича Седова
А.М. Седов. 31

Со «свежестью первой любви»
Т.Б. Сиднева 33

Профессия — концертмейстер
С.В. Виноградова 35

В.А. Куржавский в день своего 75-летия о войне, стихах и много другом 37

Быть честным по отношению к себе и к людям
С.И. Степанов 39

Романтик нашего времени
М.Ю. Котомин 41

«Счастлив тот, кто умеет делать выбор»
В.Н. Митяков 43

«В человеке должен быть свет»
Л.Е. Бричкина 45

Факультету дополнительного образования и повышения квалификации — 15 лет! 46

Art-сфера:

Две жизни — две души
К. Половникова 47

Страницы памяти:

И, словно листья, шелестят печальные памяти страницы... (С. Терханов)
Л. Кириллова. 48

Дневник меломана:

Неизвестная заметка в дневнике Адольфа Сакса
Н. Оськина. 54

Слово ректора

Народный артист России,
ректор ННГК им. М.И. Глинки
Э.Б. Фертельмейстер

— Эдуард Борисович, нынешнее полугодие вместило в себя столько событий, что его можно назвать фестивальным. Свершилось всё, что было задумано?

— Конечно всё, что задумано не свершилось, и свершиться не могло. Наши мысли и желания опережают наши возможности. Тем не менее, действительно это полугодие оказалось очень ёмким, объёмным и достаточно тяжёлым для того, чтобы осуществить всё, что задумано. Получилось так, что несколько крупных мероприятий наложились одно на другое. Это было сделано намеренно для того, чтобы в каких-то своих составляющих эти события соприкасались.

Так, скажем, фестиваль «Картинки с выставки» мы начали тогда, когда ещё не закончился Всероссийский педагогический форум. В итоге участники форума смогли посетить концерты современной музыки и получить представление о том, что сейчас в ней происходит, а «Картинки» имели доброжелательных слушателей, приехавших к нам из разных городов страны.

Однако консерватория — не концертная организация, наша главная задача — учебный процесс. И заниматься учебным процессом, руководить им, контролировать его, отвлекаясь на такое количество мероприятий, очень трудно. А события эти требовали не просто отвлечения, а буквально ежеминутного контроля и внимания.

Таким образом, полугодие, с одной стороны трудное, а с другой — яркое и интересное; прошло в положительном ключе: почти все наши творческие планы были реализованы.

Первый Всероссийский педагогический форум, который состоялся по инициативе О.А. Красногоровой и кафедры музыкальной педагогики и исполнительства, показал, насколько необходимы подобные проекты, акцентирующие вопрос музыкального образования. Я являюсь членом Комиссии по музыкальному образованию при Министерстве культуры России и знаю, какие острые вопросы, связанные с музыкальным образованием, там сейчас ставятся. В первую очередь, они касаются детского музыкального образования. И обсуждение этих вопросов здесь у нас очень важно и очень актуально, поскольку даже самые информированные люди могут ошибаться, не зная во всех деталях и подробностях всего того, что происходит на периферии.

Что касается «Картинок», то это всегда интересно, всегда хорошо.

— На этот раз, однако, они прошли с бóльшим масштабом…

— Да, конечно, масштаб увеличивается и это радует.

— А как Вы оцениваете проведение фестиваля «Улыбышевские ассамблеи»?

— «Улыбышевские ассамблеи» — «пробный камень». В дальнейшем надеемся, что они станут постоянными и традиционными. Пока будем их организовывать своими силами, чтобы доказать и самим себе, и тем, кто их будет финансировать, что они необходимы. Следующий фестиваль должен пройти через год, и тогда уже будет ясно — докажем или не докажем.

— Также в этом семестре прошел этап II Всероссийского музыкального конкурса в номинации «струнные инструменты».

— Да, это очень важный конкурс. И то, что право принимать региональных представителей было предоставлено нашей консерватории, делает нам большую честь. В прошлом году у нас прошли отборочные туры исполнителей на народных инструментах, так что это уже второй конкурс, который мы проводим. Организаторы сказали, что им понравилось бывать в нашей консерватории, и мы надеемся, что и в дальнейшем это мероприятие будет проходить у нас. Кроме того, что оно связано с профессиональным интересом, оно ещё приносит финансовую прибыль консерватории. Так что проведение подобных конкурсов можно только приветствовать.

— Как известно, Министерство образования предложило проект Программы развития музыкального образования на 2015–2020 годы. Как Вы расцениваете это событие, и как, на Ваш взгляд, изменится жизнь консерватории?

— О каких-либо изменениях в жизни консерватории сейчас говорить несколько преждевременно. Как я расцениваю? Программа, что называется, пропитана кровью. Над ней работали в течение многих лет, и туда вошло самое лучшее, самое ценное из тех предложений, которые выдвигались.

— А кем выдвигались предложения?

— Учебно-методическим объединением при Министерстве культуры, в которое входят ректоры всех консерваторий и вузов искусств. Потом это объединение трансформировалось в Комиссию по музыкальному образованию, куда вошли уже не только представители учебных заведений, но и ведущие артисты, такие как Ю. Башмет, В. Чернушенко, И. Бутман, Е. Мечетина (она теперь руководит нашей Комиссией) и многие другие. С 7 по 9 декабря в Санкт-Петербурге пройдёт Международный культурный форум, среди событий которого и конференция, связанная с музыкальным образованием. Будут доклады, лекции, круглые столы. Посмотрю, что там скажут, поучаствую в дискуссии.

— Вы сказали что, об изменениях в жизни консерватории пока говорить рано. А как же открытие школы-десятилетки?

— Нет, это само собой. Мы сейчас пытаемся очень активно пробить эту десятилетку. Пока не открываю всех карт. Мы ждем решения этого вопроса.

— На днях на открытом заседании Учёного совета консерватории обсуждался договор сотрудничества с Высшей школой экономики. Чем вызван этот шаг, и что Вы ждёте от этого сотрудничества?

— Ожидание от сотрудничества может быть двояким. Первое ожидание, это ожидание, связанное с определёнными целями, которые послужат взаимообогащению и той, и другой стороны. А второе — это совершенно неожиданные вещи, которые могут возникать в процессе. Вот я больше надеюсь на то, что возникнет в процессе. Хотя у нас есть определённые планы, с чего начать.

— А что может связывать вузы совершенно разной направленности?

— Вы знаете, сегодня взаимопритяжение совершенно различных сфер происходит во имя спасения друг друга. Причём эти сферы должны связываться «горизонтально», а не «вертикально». С ВШЭ мы договорились именно по горизонтали.

— Недавно появился совместный проект с Нижегородским художественным музеем. Это тоже своего рода стремление заручиться поддержкой единомышленников?

— И это тоже. Но здесь главное другое. Сегодня возникла такая ситуация, при которой тот кто может, должен брать на себя все возможные и невозможные обязательства, чтобы развиваться, не рассчитывая на чью-либо помощь.

Мы стали продавать ноты и книги, потому что закрылся нотный магазин. Мы сделали наши концерты платными, потому что нам поставили задачу — зарабатывать. Для чего мы сейчас начинаем заниматься музыкальной подготовкой детей, юношества, ведь мы же вуз? Потому что мы должны думать о будущем, о том, кто к нам поступит. Мы открыли кафедру педагогики и музыкального исполнительства, потому что педагогов музыки нужно готовить не в педагогических, а в музыкальных вузах. Получается, что мы берём на себя функции, нам не совсем свойственные, но крайне необходимые в сложившейся ситуации.

— Консерватория становится неким локомотивом...

— Да, сегодня нам нужно не только выпускать профессиональных музыкантов, но и готовить аудиторию. Нужно каким-то образом «шлифовать» тех слушателей, которые не получили начального эстетического образования, чтобы они могли понять или принять то, что существует в музыкальном мире.

— В заключение, что Вы хотели бы пожелать преподавателям и студентам в преддверии Нового года?

— Счастья! Счастья не смотря ни на что! Жизнь одна. И пока она идёт, надо радоваться всему, где есть повод. Повод есть каждый день. Кстати, для грусти тоже каждый день есть повод. Так надо радоваться!

— Вопрос выбора?

— Совершенно верно.

Беседовала О. Капустян

I Всероссийский музыкально-педагогический форум

С 10 по 14 октября в Нижегородской консерватории прошло грандиозное событие — Первый Всероссийский педагогический форум «Современная музыкальная педагогика: диалог традиций и школ». Инициатором проведения этого мероприятия выступила кафедра музыкальной педагогики и исполнительства ННГК при поддержке Министерства культуры РФ.

Форум является первым мероприятием подобного рода, проводимым в консерваториях России. К нам приехали гости из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Владимира, Сургута, Твери, городов Нижегородской области. Обширная программа включала авторские лекции, научно-практические конференции, презентации, мастер-классы, а также конкурс исполнительского и педагогического мастерства «Piano Start Up!». И все мероприятия проходили при неизменно полных залах и аудиториях в атмосфере неподдельного интереса и живых дискуссий.

«Одна из целей проведения форума — безусловно, консолидация всего профессионального сообщества, — говорит заведующая кафедрой музыкальной педагогики и исполнительный руководитель форума О.А. Красногорова.— В связи с тем, что сегодня происходит реформирование всей системы музыкального образования, необходимо четкое понимание приоритетных направлений развития. Второй важной целью является повышение престижа профессии музыканта и музыканта-педагога, в частности, недооцененной в современном обществе. И, конечно, третья цель, немаловажная для Нижегородской консерватории, — это привлечение абитуриентов. Мы хотим создать возможности для наших студентов, при которых они, обучаясь не в столичной, но в обладающей историческими традициями консерватории, могут получить все лучшее и интересное, что есть сегодня в отечественном музыкальном образовании».

Участники форума пытались ответить на важнейшие вопросы, касающиеся современной педагогики и методики, проблем исполнительского искусства, общего музыкального образования, проходили презентации авторских учебников, программ, методических пособий. В организации работы форума приняли участие педагоги и студенты нескольких кафедр ННГК, в том числе — музыкальной педагогики и исполнительства, музыкальной журналистики, музыкальной звукорежиссуры и информационных технологий.

Форум начался с авторских лекций, представляющих собой экскурс в историю исполнительского искусства, ведь осмысление настоящего невозможно без вдумчивого анализа прошлого. Профессора Уральской консерватории Б.Б. Бородин и Московской консерватории А.М. Меркулов свои выступления посвятили особенностям русской фортепианно-исполнительской школы, а профессор концертмейстерского мастерства и музыкального образования Академии Русского балета им. А.Я. Вагановой В.А. Шекалов рассказал о роли импровизации в исполнении сочинений эпохи барокко.

Научно-практическая конференция. А.М. Меркулов

Сегодня в стране широко обсуждается реформа образования: стоит ли радикально менять сложившуюся столетиями традицию? Нужны ли нововведения и технические усовершенствования?

Проблемы современного музыкального исполнительства и образования обсуждались на заседаниях семи секций научно-практической конференции, где выступали педагоги высшего, среднего и начального звена из Москвы, Владимира и Сургута, а также студенты и аспиранты консерватории и Нижегородского музыкального колледжа им. М.А. Балакирева

«Главное не уничтожить то, что уже наработано с конца 19 века, когда начала формироваться система музыкального образования — единая система постепенного перехода от одной ступени к другой, — делилась своими размышлениями профессор МССМШ им. Гнесиных Т.А. Зеликман. — Именно это создало ту знаменитую музыкальную русскую школу, которая славилась на весь мир и повлияла на музыкальную культуру всего мира. Хотелось, чтобы мы об этом помнили и старались это сохранить».

На одной из секций конференции обсуждалась необходимость расширения музыкального репертуара. Педагоги московских вузов с удовольствием знакомили публику с творчеством таких малоизвестных композиторов, как А. Самоносов, С. Борткевич, Ф. Мендельсон-Хензель, которое способно расширить кругозор музыкантов.

В рамках форума прошли презентации новых кафедр Нижегородской консерватории. «Веление времени таково, что функция воспитания нового поколения музыкантов возложена на творческие вузы, — говорит ректор ННГК Э.Б. Фертельмейстер. — Именно в нашей среде, в стенах консерватории, вузов искусств смогут вырасти настоящие педагоги музыки, подвижники и пропагандисты музыкального искусства, сами прошедшие эту школу, получившие высшее профессиональное музыкальное образование». Именно поэтому в Нижегородской консерватории были открыты новые кафедры: музыкальной педагогики и исполнительства, музыкальной журналистики и музыкальной звукорежиссуры.

Кафедра музыкальной педагогики и исполнительства сразу зарекомендовала себя как активная и быстро развивающаяся. Доказательством тому служат многочисленные проекты кафедры, среди которых не только Всероссийский форум, но и курсы повышения квалификации, концертно-исполнительские абонементы для детей. Помимо отечественных студентов, получающих многопрофильную подготовку, на кафедре обучается много иностранных студентов, что подтверждает международную востребованность наших образовательных программ.

Также гости форума могли познакомиться с уникальной кафедрой музыкальной журналистики ННГК, разработки которой послужили основой нового Госстандарта для музыкальных вузов страны. Кафедра выпускает квалифицированных специалистов сразу в трех видах журналистики: пресса, радио и ТВ. В рамках форума гостям был представлен фильм, подготовленный студентами 1 курса о гастролях хоров Нижегородской консерватории в Казани.

Также в рамках форума прошла презентация нового инструмента компании Yamaha — Disklavier, принцип работы которого заключается в соединении акустического клавира с возможностями электронного.

На форуме шла речь и о музыкальном обучении в общеобразовательных школах. «Учитель музыки — очень важная профессия и очень ответственная работа. За один раз в неделю детей надо успеть чему-то научить. Многое зависит от учителя, но многое и от тех учебников, которые есть» — рассказывает В.А. Шекалов. И потому большой интерес участников вызвала презентации авторских методик учителей общеобразовательных школ.

Р.В. Кузоватова, учитель музыки общеобразовательной школы №33 Нижнего Новгорода, со своими маленькими подопечными пробуют ставить оперы «Иван Сусанин» М. Глинки и «Кармен» Ж. Бизе. Конечно, оперы купированы, речитативы переведены в драматические реплики, а вместо оркестра — фортепиано. Но то, с какой охотой, серьезностью и искренностью ребята участвуют в музыкальном творчестве — бесценно.

Не менее интересными оказались мастер-классы профессоров столичных вузов, представивших различные методики музыкального обучения.

Профессор МГК им. П.И. Чайковского А.Г. Севидов акцентировал внимание слушателей на историческом и стилевом контексте исполняемых произведений.

Т.А. Зеликман поразила своей терпеливостью: ее настойчивая работа над ключевыми исполнительскими проблемами приводили к удивительным результатам. Несколькими художественными штрихами Т.А. Зеликман добилась осмысленного и темпераментного исполнения от учащихся ДМШ.

Встречей-открытием можно назвать мастер-класс преподавателя МССМШ им. Гнесиных Л.А. Григорьевой. Двое её учеников демонстрировали перед аудиторией безупречную технику.

Своеобразной кодой педагогического форума стал Первый Открытый фестиваль исполнительского и педагогического мастерства «Piano start up!», который проводился в нескольких возрастных категориях, а также в номинации «Учитель-ученик». В нём приняли участие более 70 участников из Москвы, Саратова, Владимира, Нижнего Новгорода и области. Оценивало участников авторитетное жюри в лице А.Г. Севидова, Л.А. Григорьевой, Т.А. Зеликман и профессора ННГК Б.А. Альтерман. Специальный диплом за лучшее исполнение пьесы нижегородского композитора достался Седовой Полине (преподаватель Т.В. Крюкова) из ДМШ г. Княгинино, не по-детски серьезно и вдумчиво сыгравшей пьесу Э. Фертельмейстера «Утро». Умелое владение тембрами и регистрами позволяло маленькой пианистке красочно передавать звуковые пейзажи. Звания лауреата и специальной денежной премии от компании ООО «Нева-саунд» — официального представителя компании Bechstein в России — была удостоена студентка МГК им. Чайковского Сикорская Александра (класс доцента Д.Э. Копылова).

Форум завершился. Впечатления и знания, полученные на нём, помогут педагогам в поисках нового. По мнению одной из слушательниц, «форум — это собрание профессионалов, людей, которые живут духом музыки. Именно в наших регионах, на периферии, происходит спад профессиональной направленности. Поэтому такие мероприятия — свежая волна общения, которая, конечно же, вдохновляет к работе».

Наталья Никулина

Александр Дмитриевич Улыбышев — вернуться к истокам своим

В Нижнем Новгороде на пересечении Большой и Малой Покровских улиц стоит двухэтажный каменный особняк. На его стене висит скромная табличка: «Здесь в усадьбе жил в 50-е годы XIX века литератор, музыкальный критик, общественный деятель Александр Дмитриевич Улыбышев». Современному обывателю сложно представить, какую историческую ценность имеет этот дом, и мало кто знает, какую роль играет А.Д. Улыбышев в истории культуры Нижнего Новгорода. Но каких-то полтора столетия назад в этих стенах собирался весь свет Нижнего Новгорода, устраивались концерты, спектакли с участием выдающихся деятелей искусства того времени. Здесь звучала музыка известных композиторов и совсем еще юных дарований. Александр Дмитриевич Улыбышев открыл талант тогда еще неизвестного композитора Милия Алексеевича Балакирева, имя которого ныне носит Нижегородский музыкальный колледж.

Александр Дмитриевич Улыбышев (1794–1858) — известный музыкально-общественный деятель, публицист, драматург, один из первых русских музыкальных критиков, переводчик, редактор, автор первого в мировой литературе исследования о Моцарте. Живое, образное владение словом и необычный и оригинальный подход к описанию музыкальных, театральных и литературных явлений сделали имя А.Д. Улыбышева широко известным не только в России, но и в Европе.

Идея проведения фестиваля им. Улыбышева, принадлежащая В.В. Алексееву — профессору ННГК им. Глинки, обсуждалась в консерватории многие годы. И только в 2014 году в честь 220-летия Александра Дмитриевича Улыбышева фестиваль «Улыбышевские ассамблеи» состоялся. Помимо консерватории в его организации участвовали ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижегородское театральное училище им. Е.А. Евстигнеева, Детская школа искусств №9 им. А.Д. Улыбышева и Государственный литературно-мемориальный музей Н.А. Добролюбова. Привлечь внимание и детально исследовать жизнь и творчество А.Д. Улыбышева — главная цель фестиваля. Это уникальная возможность поближе познакомиться с творчеством критика — вернуться к истокам своим.

Вопрос ребром

Фестиваль начался с научно-практической конференции «А.Д. Улыбышев: взаимодействие русской и европейских культур. Вопросы музыкознания, культурологии и филологии».

Все участники конференции с большим увлечением и воодушевлением говорили об А.Д. Улыбышеве. Были освещены разные стороны его жизни и творчества. О том, что «биография А.Д. Улыбышева нуждается в доработке и детальном исследовании», говорила кандидат филологических наук ННГУ им. Лобачесвкого В.Ю. Белоногова. По ее мнению, имя А.Д. Улыбышева забыто именно по причине

Дом А.Д. Улыбышева

недостатка информации о нём. Профессор кафедры народных инструментов ННГК им. Глинки В.И. Голубничий, размышляя о монографии А. Улыбышева «Новая биография Моцарта», обратил внимание на то, что сейчас никто не пишет монографии с таким глубоким анализом: «Улыбышев написал 22 главы о жизни Моцарта и об эволюции его стиля». В докладе «Дети и внуки» профессор кафедры специального фортепиано ННГК им. Глинки В.С. Колесников рассказывал о потомках А. Улыбышева, которые хранят память о нем.

Лирическое отступление

Следующим ярким мероприятием фестиваля стало открытие Улыбышевской выставки в Государственном литературно-мемориальном музее им. Н.А. Добролюбова. Её центральный экспонат — портрет Александра Дмитриевича Улыбышева — серьезного, задумчивого и очень милого барина. Так же вниманию гостей были представлены различные переводы книги о В.А. Моцарте, подсвечник с его стола, скрипка, на которой он играл, и многие другие его вещи, которые удалось сохранить. Место проведения выставки выбрано не случайно, ведь когда-то в этом доме А.Д. Улыбышев снимал комнату и именно здесь он начал писать свои пьесы.

Перенестись в эпоху XIX века, когда повсеместно было распространено домашнее музици-

рование, почувствовать атмосферу того времени помогли студенты консерватории, которые устроили концерт вокальной музыки. Звучали романсы А.Е. Варламова, М.И. Глинки, А.Н. Верстовского, П.И. Чайковского, русские народные песни, арии из оперы «Дон Жуан» и дуэт Папагено и Папагены из «Волшебной флейты» В.А. Моцарта.

Кроме того, В.Ю. Белоногова представила книгу А.Д. Улыбышева «Вздыхатель без денег». Эта чудная пьеса была написана в Нижнем Новгороде, жители которого и стали прототипами главных героев. Валерия Юрьевна говорила о том, что Улыбышев, прекрасно зная все тонкости театра и умело владея словом, создал искрометную и легкую пьесу. Но даже в роли литератора он мыслил, как критик, а не как писатель.

В завершении дня в Большом зале консерватории прошел концерт студентов, аспирантов и совсем еще юных исполнителей. Неожиданное появление самого виновника торжества — Александра Дмитриевича Улыбышева, роль которого исполнил Заслуженный артист России, лауреат премии им. Н.И. Собольщикова-Самарина А.В. Мюрисеп, привело публику в искренний восторг! Такое сходство! Он сидел в первом ряду, бурно аплодировал и кричал «браво», а ещё рассуждал о жизни, о любви к Моцарту, о знакомстве с Шубертом. Звучала музыка В. Моцарта, Й. Гайдна, Д. Россини, Ф. Мендельсона, Ф. Шуберта, А. Даргомыжского и М. Глинки. Концерт получился очень живым, и ощущение, что А.Д. Улыбышев действительно присутствовал в зале, не покидало до конца вечера.

Красота родных просторов.

Программа фестиваля «Улыбышевские ассамблеи» включала экскурсионную поездку в бывшее родовое имение Улыбышевых — село Лукино Богородского района. Как известно, именно здесь Александр Дмитриевич в течении 10 лет с большим увлечением писал книгу о Моцарте. Поэтичная красота здешних просторов не может не вдохновлять: чистый и свежий воздух, бескрайние поля, маленькая речка Кудьма, скромные деревянные домики — это место наполнено чем-то настоящим, не тронутым цивилизацией. Время здесь словно остановилось. Осенний пейзаж парка, по которому когда-то любил прогуливаться сам А.Д. Улыбышев, навевает мысли о вечном и прекрасном. Но, к сожалению, усадьба не сохранилась, уцелел лишь небольшой фрагмент стены дома и часть надгробного памятника А.Д. Улыбышеву. Ныне на территории имения находится Покровский монастырь.

В историческом музее Богородского района вниманию гостей была представлена выставка, посвященная А.Д. Улыбышеву и его жизни в Лукино. Заведующая хранилищем музея Марина Алексеевна Смирнова говорила об Александре Дмитриевиче не только как о замечательном литераторе, общественном деятеле и критике, но ещё и как о помещике, с которым его крестьянам явно повезло. По сохранившимся воспоминаниям, он был очень добрым и заботливым барином. Интересно, что в Лукино А.Д. Улыбышев, будучи в курсе научных открытий в области химии, применял у себя в имении новые удобрения. Среди экспонатов музея есть скрипка, на которой он играл, и гипсовая копия его бюста.

Скрипка А.Д. Улыбышева

Следом свои двери перед гостями фестиваля распахнула Богородская музыкальная школа им. Улыбышева, которая, сохраняя традиции и продолжая начинания своего знаменитого соотечественника, уже несколько лет проводит Всероссийский фортепианный и вокальный конкурс им. Улыбышева, цель которого — открытие и поддержка молодых одаренных музыкантов. Педагоги, учащиеся школы и гости, среди которых оказалась и нижегородская пианистка, выпускница и педагог консерватории Ольга Щербатова, подготовили большой праздничный концерт.

«Вздыхатель без денег»

Фестиваль не мог пройти мимо театрального наследия А.Д. Улыбышева. Как известно, он был прекрасным драматургом, но, к сожалению, пьес его сохранилось не много. «Драматические произведения его всегда имели жизненно-обличительно-бытовую подкладку, казня глупость, взяточничество и другие дурные стороны современного общества, — говорил исследователь А.С. Гациский. Действующими лицами у него являются более или менее сильные мира нижегородского сороковых и пятидесятых годов: Александр Дмитриевич никогда не мог примириться с окружавшей его в Нижнем средой, которую и "пробирал" в своих драматических произведениях».

Благодаря студентам НГТУ им. Евстигнеева и их художественному руководителю А.В. Мюрисепу гостям фестиваля представилась возможность познакомиться с постановкой пьесы «Вздыхатель без

денег». А.В. Мюрисеп признался: «Улыбышев мне не чужой человек, поскольку однажды довелось сыграть его».

Действие спектакля происходит в провинциальном губернском городе Ашарове. Евстафий Алексеевич Облизкин (тот самый вздыхатель без денег), влюблен в примадонну Ашаровского театра — Амалию Карловну Пичужкину и всем сердцем жаждет получить ее снисхождения. Однако бывший «столичный лев» князь Федор Андреич Фиглярин впутывает его в авантюрную историю, которая оборачивается для главного героя крахом всех надежд.

Художник по сценографии Э.Е. Котова создала скромные декорации и неброские костюмы, которые деликатно и со вкусом воссоздавали атмосферу середины XIX века.

Остроумные куплеты на стихи К.А. Шатилова с музыкой М.Н. Крылова гармонично вписались в драматургию спектакля. Благодаря использованию фрагментов из произведений В.А. Моцарта и М.И. Глинки (намек на музыкальные предпочтения А.Д. Улыбышева) зрители невольно попали в эпоху автора. Словно стерлись границы времени, и все происходило здесь и сейчас…

Как оказалось, молодые актеры в этот вечер впервые вышли на сцену, и сразу — премьера! Ребята играли с большим азартом, что позволяло держать внимание зрителя на протяжении всего спектакля. Искренний смех и аплодисменты в зрительном зале — высшая оценка актерам, ведь, как известно, заставить зрителя смеяться — не простая задача.

Подрастающее поколение

В последний день фестиваля учащимся и гостям Детской школы искусств №9, которая носит имя критика А.Д. Улыбышева, открылись некоторые страницы его жизни и творчества. Обширная программа влючала открытие класса-музея А.Д. Улыбышева, праздничный концерт и театральную постановку «Барышня-крестьянка» по одноименной повести А.С. Пушкина, организованную театральным отделением школы. Гостей провели по «Улыбышевскому» маршруту — от дома на пересечении Большой и Малой Покровской до бывшего доходного дома Добролюбовых.

Финальным аккордом прозвучал заключительный концерт в Большом зале Нижегородской консерватории, в котором приняли участие Академический хор ННГК им. Лобачевского под управлением Л. Ерыкаловой и симфонический оркестр студентов консерватории под управлением Б. Схиртладзе.

В этот же вечер состоялось награждение лауреатов Всероссийского открытого конкурса работ в области арт-журналистики, который проходил в рамках фестиваля в номинациях «пресса», «радио» и «телевидение».

Фестиваль «Улыбышевские ассамблеи» осуществил свои главные задачи, каждый из участников фестиваля смог открыть для себя новые стороны творчества и жизни А.Д. Улыбышева. И хочется надеяться, что теперь имя выдающегося нижегородца непременно станет символом праздника музыки и театра.

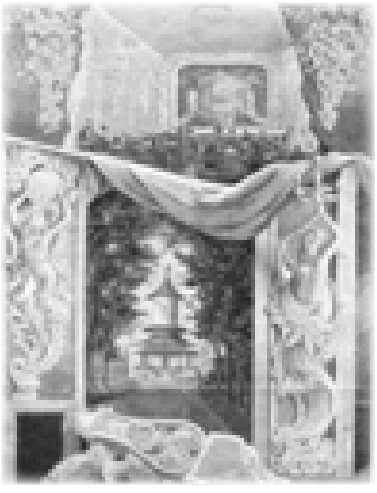
Надежда Оськина

Театр на Выксе: «вчера» и сегодня

В этом году исполняется 220 лет со дня рождения драматурга, музыковеда, публициста, автора первой музыкально-критической статьи в России Александра Дмитриевича Улыбышева — человека, с которым неразрывно связана культурная жизнь Нижнего Новгорода середины XIX века. В его доме на пересечении Большой и Малой Покровской собирались артисты, музыканты, художники, писатели; устраивались концерты, квартетные вечера, ставились спектакли. Здесь бывали А.Н. Серов, М.А. Балакирев, В.Н. Верстовский, Ф. Лангер и многие другие люди искусства того времени.

Личность Улыбышева, его музыкальная и критическая деятельность вдохновили меня на исследование культурной жизни моего родного города, а тогда еще села, Выкса, находящегося в 170-ти верстах от Нижнего Новгорода. Результатами этого исследования, позвольте с вами поделиться.

Зная, что сейчас на моей малой родине вовсе нет театра, мне захотелось узнать, как обстояли дела в XIX веке. Не имея на руках почти никаких исторических документов, я начала свое расследование. Шаг за шагом мне в руки попадались все новые и новые материалы: очерк литературоведа, знатока и собирательницы фольклора Н.Д. Комовской, книга исследователей Н.М. Арсентьева и А.М. Дубодела «Во славу России…», бесценные воспоминания капельмейстера выксунского театра Н.Я. Афанасьева и приглашенного балетмейстера А.П. Глушковского, статья А.Д. Улыбышева о том же Н.Я. Афанасьеве и даже со-



временные московские журналы, в которых есть упоминания о выксунском театре и опубликованы письма художника М.И. Скотти.

Театр на Выксе был построен в начале XIX века Иваном Баташевым, одним из основателей и управителей заводов, и предназначался в основном для драматических постановок. «В конце большой аллеи, он [театр — прим. Н.Н.] был деревянным, но вполне вместительным и богатым по обилию декораций, бутафории, костюмов», — пишет в очерке театральной жизни Выксы Н.Д. Комовская. К сожалению, сведений о театре того времени, когда управляющим был Баташев, сохранилось мало. Известно лишь по преданиям старожил, что Баташев любил окружать себя талантливыми людьми, давал возможность учиться крепостным, но не любил давать им вольную, каждый раз, как заканчивалось обучение, отзывая их назад, в свое имение.

Расцвет же театрального искусства на Выксе относится к 40–50 годам XIX столетия, когда выксунскими заводами управляли помещики Д.Д. Шепелев и его сын И.Д. Шепелев. Как вспоминают современники, все, кто принадлежал к этой фамилии, отличались особой любовью к искусству и театру. «Иван Дмитриевич [Шепелев — прим. Н.Н.] был большой любитель искусств вообще. Он ценил живопись, скульптуру и сам рисовал весьма недурно, но предпочитал всему музыку. Сам он опять-таки недурно пел: у него был хороший баритон. В доме находились особые мастерские для живописи, скульптуры, салон для занятия музыкой; в последнем помещении занимался сам Шепелев и делались спевки» — пишет в воспоминаниях Н.Я. Афанасьев, капельмейстер театра. Читаем дальше: «В доме была великолепная библиотека, в которой можно было найти все что угодно; в этой библиотеке я познакомился с Шиллером, Гете, Вальтер-Скоттом, Шекспиром, Байроном, Вольтером, Гюго, Диккенсом и многими писателями».

Выксунский театр 40–50-х годов XIX столетия мог считаться одним из лучших театров в России того времени. На это указывает Н.Я. Афанасьев в своих воспоминаниях, опубликованных в московском «Историческом вестнике» (1890г./№41): «У Шепелева театр был такой, который с честью бы мог занять место не только в любом из наших провинциальных городов, но мог ровняться с тогдашними столичными нашими сценами, по крайней мере, московскими».

Как удалось выяснить из очерка Н.Д. Комовской, театр этот был весьма большим (по воспоминаниям балетмейстера А.П. Глушковского, «помещал в себе до 300 человек публики») и даже освещался газом, чего не было даже в столице. О внешнем облике театра не осталось никаких воспоминаний, а вот о его внутреннем убранстве довольно много. «Театр на Выксе был немногим меньше петербургского Мариинскаго. Внутренне расположение его был такое же: партер, бенуар, бельэтаж, второй и третий ряды лож. Напротив сцены, где в императорских театрах помещается царская ложа, находилась парадная ложа Шепелевых, отделанная бархатом и золотом. Вся обстановка и все приспособления в театре были превосходны; механическая часть безукоризненна и самые сложные оперы тогдашнего времени шли без всяких затруднений. Декорации отличались изяществом и точностью», — пишет в своих воспоминаниях Н.Я. Афанасьев.

Декорации, и правда, должны были быть очень хороши. По приглашению Д.И. Шепелева многие известные декораторы работали в выксунском театре. Среди них — художник М.И. Скотти, известный нижегородцам по картине «Патриотизм нижегородских граждан в 1612 году». Из письма М.И. Скотти В.И. Григоровичу, 1838 г.: «Написал в театре у Шепелева плафон клеевыми красками и ложи, писал также и декорации для оперы "Цампы", вылепил статую мраморной невесты, устроил к этой опере Везувий в последнем акте, который вышел довольно удачно, по крайней мере Шепелевы и граф Кутайсов чрезвычайно довольны. А теперь я занимаюсь окончанием декораций и разной чертовщины для оперы “Волшебный стрелок”».

Выксунский оркестр также считался лучшим после столичных. И в этом немалая заслуга Н.Я. Афанасьева, состоявшего на службе капельмейстера выксунского театра в 1841–1847 гг. По его словам, «оркестр выксунского театра состоял из пятидесяти человек, т.е. не многим меньше состава оркестров императорских опер. Единственным важным пробелом в театре было отсутствие органа».

Афанасьев и Улыбышев, по-видимому, были знакомы, и последний, возможно, даже бывал на Выксе. Среди статей Улыбышева, опубликованных в петербургской газете «Северная пчела», я нашла очерк о нем. Александр Дмитриевич говорит об Афанасьеве как о талантливейшем музыканте, виртуозе, наследнике Паганини. Таким образом, в то время еще неизвестный музыкант получил в высшей степени похвальное «рекомендательное письмо», как называл свою статью Улыбышев. Скрипичную технику Александр Дмитриевич уподобляет страшному чудовищу, которое покорилось Афанасьеву. «О быстроте бравурных пассажей и говорить нечего: это волшебные фейерверки, гонимые вихрем». «Пение нашего артиста отличается нежностью, грацией и теплотой чувства. Игра его всегда благородна, всегда изящна».

На Выксе в ведении Н.Я. Афанасьева был оркестр и хор. Но, к сожалению, об этой его работе

Н.Я. Афанасьев

не осталось никаких воспоминаний. Сослаться можно только на статью А.Д. Улыбышева: «Отличный капельмейстер, доказавший свои знания и способности по этой многотрудной части шестилетним пребыванием на Выксунском заводе Гг. Шепелевых, где он сформировал оркестр, мне очень хорошо известный, теперь упраздненный, к сожалению, но бывший в свое время лучшим, может быть, в России, после столичных театральных оркестров». (Северная пчела 1850г./№253).

По воспоминаниям Н.Я. Афанасьева мы можем судить и о репертуаре театра. Это и «Роберт-Дьявол» Дж. Мейербера, «Пират» В. Беллини, «Цампа» Ф. Герольда, «Фра-Дьяволо» Д. Обера, «Вольный стрелок» К. Вебера и «Дон Жуан» В. Моцарта.

Но вернёмся к Шепелеву, от которого зависела жизнь Выксунского театра в целом. Он был очень требователен к исполнению, а, следовательно, и к обучению артистов. «Нерон Ардатовского уезда» (Ардатовский уезд — ныне городской округ Выкса) звали Ивана Дмитриевича близко знавшие его люди. Это прозвище неоднократно можно встретить в воспоминаниях А. Глушковского и П. Стрепетовой — известной драматической актрисы, детство которой связано с Выксой. Телесные наказания (а надо помнить, что оркестранты и актеры были крепостными) были распространены в усадьбе. Причем сам Иван Дмитриевич это объяснял тем, что он наказывает их «как детей», хочет, чтобы они «боялись и прилежнее учились», «иначе “детям” легко пойдет разная дурь в голову».

Невольно хочется сопоставить с отношением к своим крепостным Улыбышева — ярого сторонника отмены крепостного права, который, как известно, никогда не поднимал на них руку.

Удивительно, что такой театр возникает в заводской среде, в глухой провинции. Это лишний раз доказывает уровень образованности и неподдельный интерес к искусству знатных людей того времени. К сожалению, во времена И.Д. Шепелева заводы постепенно пришли в полный упадок. Его нежелание и неумение вести заводские дела привели к тому, что в конце 40-х заводы перешли в ведение В.А. Сухово-Кобылина, и И.Д. Шепелев немедленно покинул Выксу. С его отъездом закончилась и богатая, насыщенная театральная жизнь села. Оперный репертуар сменился драматическим — комедиями, мелодрамами, водевилями. И самым значительным событием следующего десятилетия культурной жизни Выксы стало написание А.В. Сухово-Кобылиным частей пьесы «Свадьба Кречинского», которая позднее вошла в репертуар театра. И по сей день эта пьеса имеет актуальность: премьерой спектакля «Свадьба Кречинского» открылся последний, 217-ый сезон Нижегородского театра драмы.

В 1894 году здание Выксунского театра было снесено, декорации и костюмы отправлены в столичные театры.

Сейчас город Выкса не имеет ни одного постоянного профессионального театра. Коллектив Народного театра под руководством С.А. Куликова — единственный, кто хранит традиции театрального искусства. В их репертуар входят, в основном, пьесы, написанные в XX веке, и лишь «Свадьба Кречинского», напоминая о былом, до сих пор идет на сцене Дворца культуры. Оперы и балеты не ставятся вовсе. Традиции классической академической музыки продолжает только музыкальная школа. Выдающиеся артисты, певцы, танцоры приезжают лишь на гастроли, и сейчас это скорее антрепризы, подобные тем, что устраивались на Нижегородской Ярмарке в бытность А.Д. Улыбышева.

Чем вызван этот упадок, ответить сложно. Наверное, тем, что существует масса возможностей остаться в столицах. И салоны, подобные Улыбышевскому, сегодня кажутся недостижимым идеалом.

Однако, не всё так плохо. Вот уже в течение пятнадцати лет каждой осенью, в преддверии дня рождения металлургического (!) завода в Выксе, вновь оживает театральная жизнь. Приезжают известные артисты: П. Глубокий, Андрис и Илзе Лиепа, Н. Цискаридзе, солисты Мариинского театра и многие другие. Как сказал в интервью во время своего недавнего приезда Андрис Лиепа, «любое творческое дело строится на инициативе одного главного человека. Если руководитель ходит по музеям и театрам, то все ходят по музеям и театрам. Это необъяснимая вещь. То, что сейчас делает Объединенная Металлургическая Компания [сегодняшнее руководство завода — прим. Н.Н.], просто уникально. Это показывает, что не только льют металл, делают трубы, а еще и понимают, что без культуры жизнь невозможна».

Стоит надеяться, что это начало большого и трудного пути возрождения той высочайшей по уровню культурной жизни города, которой была отмечена жизнь Выксы XIX века.

Наталья Никулина

«Сон или явь?»

Осень, 1853 г.
Нижний Новгород,
улица Большая Покровская, дом №59/2

Напевая себе под нос арию Фигаро из оперы Моцарта, Александр Дмитриевич прошёлся по залу. Он жил в каменном особняке, занимая второй этаж. На первом была аптека, в которую непременно хоть один раз заходил каждый нижегородец. В футляре, внутри обшитом бархатом гранатового цвета, лежала скрипка. Он взял её в руки и мягким, уверенным движением провёл смычком по струнам...

Александр Дмитриевич выучил эту мелодию совсем недавно. Его лицо было спокойно, глаза закрыты, широкие брови чуть приподняты вверх. Это был скрипичный концерт Бетховена Ре мажор. В тот самый момент, когда мелодия уже собиралась «подняться» к верхней своей точке, с улицы внезапно раздались резкие звуки: «Бац-тц-бац-тц». Скрипач отложил инструмент, подошёл к окну и отодвинул тяжёлую штору...

Перед ним была совершенно незнакомая улица… Или знакомая? Александру Дмитриевичу показалось, что всё пространство Большой Покровской сжалось и даже воздуха стало меньше. Кругом царила суета.

«Интересно получается…», — подумал он и позвонил в колокольчик. Но никто не отозвался. Обойдя все комнаты, Улыбышев обнаружил, что квартира опустела. Недолго думая, он надел драповое пальто с воротником и цилиндр. Взял трость. Спустился по дубовой лестнице, открыл тяжелую дверь и быстрым шагом вышел из дома. Не дав беспокойству овладеть собой, он пошёл в сторону Кремля своим широким, неторопливым шагом, чуть отклонившись назад, помахивая правой рукой, а левую держа в кармане. Прохожие удивлённо посматривали на пожилого, румяного толстяка в золотых очках, с седыми редкими баками и клочком таких же волос под подбородком... Было начало четвёртого, по полудню. Солнце клонилось к закату, начинало темнеть, тени от домов, деревьев и прохожих рисовали причудливый узор на брусчатке. Солнце светило как-то необычно, не так, как раньше. Или, быть может, Александру Дмитриевичу это только казалось?

На встречу шли прохожие с недовольными, напряженными лицами. Они никого не замечали — все куда-то спешили. Но вот он увидел молодую женщину, лет тридцати, которая спокойно стояла в стороне и улыбалась. Их взгляды встретились, и Александр Дмитриевич решил подойти и представиться. Но сделать это он не успел — женщина первая обратилась к нему с вопросом:

— Вы нездешний?

Александр Дмитриевич не знал, что и ответить в виду сложившихся обстоятельств.

— Вечер добрый, голубушка, — проговорил он, снимая шляпу. — Чем могу быть полезен?

Женщина внимательно смотрела на него.

— Позвольте, любезный друг узнать ваше имя, и как Вас по батюшке величают?

— Лиза меня зовут. Елизавета Ивановна. А вас как?

— Александр Дмитриевич Улыбышев. Потомственный дворянин.

Повисла пауза. Александр Дмитриевич поспешил сгладить неловкость и заговорил о милой его сердцу стихии театра:

— Не соблаговолите ли вы, любезная барышня, разъяснить мне, по каким дням ставятся нынче театральные представления?

— Каждый день идут спектакли. Смотри — не хочу. Хотите я провожу Вас в театр?

— Буду премного благодарен...

Они не спеша шли по городу. Александр Дмитриевич смотрел на окружающий его знакомый и незнакомый Нижний и очень удивлялся, что «свободные крестьяне» совершенно бесцеремонны и чуть ли не в глаза смеются, глядя на него.

Но вот они оказались у оперного театра им. А.С. Пушкина. Улыбышев подошёл к окошку билетной кассы.

— Здравствуйте, сударыня. Какой спектакль ставят нынче?

— Мужчина, афишу сперва почитайте, а потом к кассе подходите. Следующий!

— Но голубушка...

— «Коко Шанель. Страницы жизни».

— Интересно было бы узнать, балетный это спектакль или оперный?

— Мужчина, не всё ли равно? Мне почём знать. Сходите на спектакль, там и узнаете. Будете билет брать?

— … В первом ряду пожалуйста, справа у входа.

Позади кто-то недовольно пробурчал: «Наконец-то!...»

Александр Дмитриевич, по обыкновению своему не спеша направился в зрительный зал. Занял кресло в первом ряду с краю и с интересом стал разглядывать публику, которая всё более и более заполняла зал. Кто-то на балконе теребил в руках бинокль и разглядывал декорации, молодёжь фотографировалась, со смехом обсуждая прошедшие на кануне события, кто-то искал своё место... Наконец раздался последний звонок.

«Коко Шанель?.. Коко Шанель...», — пытался припомнить Александр Дмитриевич, но все его старания были напрасны — это странное имя ничего ему не говорило. Оставалось только заворожённо рассматривать диковинки сцены: экран на заднике, огромную сверкающую лестницу, овальной формы чёрную ширму, расшитую золотой нитью.

Началось действо, и на сцене появились дамы в роскошных костюмах, с ними кавалеры. «А молодые женщины весьма приятной наружности», — заметил про себя Улыбышев. Происходящее на сцене всё более увлекало его.

Сменялись картины, мелькали лица… Музыка лёгкими порывами ветра перелистывала страницы жизни Коко Шанель. Одиночество и мода — вот её спутники. И зритель на первом ряду, в глубоком раздумье проникался судьбой этой удивительной, сильной духом женщины.

Ария-монолог главной героини поверг его и вовсе в оцепенение. «Этот голос, чистый как горный кристалл, звучный как серебряный колокол, проникновенностью и изяществом своим превосходит многие голоса, слышанные мною прежде... Ни одна доселе выступающая на Нижегородской ярмарке актриса не могла бы похвастаться такой грацией и очарованием, как эта милая...э-э.. а как же величают её?».

— Любезнейший, не соблаговолите ли вы назвать имя этой несравненной актрисы?

— ... Надежда Маслова, если не ошибаюсь.

«Нижегородские музыкальные критики, если таковы ещё остались в этом странном времени, наверняка уже истощили для неё все хвалебные формы и обороты. Но я непременно пошлю о ней заметку в «Северную пчелу» — Петербург должен знать о Масловой».

Тем временем картина сменяла картину, и зрители то и дело расточительно аплодировали. «Да, нижегородскую публику не обманешь. Она образовала свой вкус под влиянием настоящих виртуозов и столичных актёров, которых она каждый год слушает на Ярмарке, она сделалась строже и разборчивее, чем бывает обыкновенно в провинции».

Сие сценическое зрелище было украшено обилием элегантной одежды, по фасону совершенно незнакомой нашему герою. «Подобные шляпки, жемчуга, сумочки и всякие эти прелестные безделицы никак не встретишь в туалетах избалованных дам высшего общества».

В увеселительных сценах музыка имела верные средства для разгулья, буйного и праздничного веселья. «А главная героиня не так проста. Остроты и шуточки употребляются ею исключительно для того, чтобы скрыть горестные душевные переживания... Нет, вы только посмотрите, как хороша госпожа Маслова, как хороша!» Александру Дмитриевичу захотелось крикнуть «Браво», и это слово всё-таки вырвалось у него:

— Браво, голубушка!

— Эй там, тише! Не мешайте представлению...

Улыбышев наслаждался лёгкой, упоительной и, в то же время, характеристичной музыкой. «Композитор, бесспорно, талантлив! Не могу не восхищаться тем, что хорошо. В особенности, если оно ново». «Превосходно! Восхитительно!» — срывалось с его губ. Он улыбался и был очень счастлив. Как вдруг — фальшиво пропел тему гобой.

«Экий болван!» — с досадой выкрикнул Александр Дмитриевич, не привыкший скрывать своего недовольства.

Зрители уже стали посматривать на этого странного барина, пошёптываться между собой.

— Мужчина, вы не могли бы вести себя потише?

Улыбышев почувствовал, как взгляды всех зрителей обратились в его сторону. И в этот момент он открыл глаза.

Николаевна продолжала прерванный на кануне рассказ... «Ну, Николавна, благодарствую...», и, по обыкновению, пошёл в свой в кабинет. «Экой сон чудной мне привиделся...», — подумал он, улыбаясь. Но тут его взгляд упал на бюро, где лежала программка, на которой большими буквами на голубом фоне было написано: «Опера-мюзикл «Коко Шанель. Страницы жизни».

Ксения Половникова

Фестиваль «Барокко и классика» в Нижнем Новгороде

«В каждой музыке Бах, В каждом из нас Бог»
И. Бродский

Как часто мы слышим слова о гениальности старинной музыки, о её безупречной стройности, живости и выразительности. Но часто ли мы слышим барочную музыку в том звучании, в котором она исполнялась при жизни своих авторов? Отнюдь не многие современные коллективы берут на себя ответственность за подобное исполнение старинной музыки. Однако есть и те, кому это не просто интересно, но и важно. Таких знатоков уже в пятый раз в столице Поволжья собирает фестиваль «Барокко и классика. Нижний Новгород» и его бессменный художественный руководитель — доцент по историческим исполнительским практикам, участник знаменитого Шуппанциг-квартета, почётный профессор ННГК им. Глинки Кристоф Майер.

С Муниципальным камерным оркестром «Солисты Нижнего Новгорода» дирижёр сотрудничает вот уже десять лет. В этом творческом союзе и зародился фестиваль «Барокко и Классика. Нижний Новгород». «Не успеешь оглянуться, — говорит Кристоф Майер о фестивале, — ребёнку уже 5 лет, скоро в школу (смеётся)».

Три круглых даты — разве не повод для торжества? Конечно, повод! И торжество состоялось. Именно в этом, юбилейном году в празднике старинной музыки участвовали исключительно российские коллективы. «Нам очень повезло, — говорит художественный руководитель фестиваля, — найти два российских ансамбля, которые специализируются на старинной музыке и так виртуозно играют на исторических инструментах». Помимо оркестра «Солисты Нижнего Новгорода» в фестивале приняли участие струнный ансамбль Евгения Свиридова «Тонкие струны» из Санкт-Петербурга и московский духовой ансамбль «Дух ветра» Филиппа Ноделя.

Пять вечеров фестиваля подарили слушателям три концерта и две творческие встречи. Концерты дублировались на разных сценах — традиционных площадках «Солистов»: Концертном зале ННГУ им. Н.И. Лобачевского и Бальном зале Музея-Усадьбы Рукавишниковых, а также в Большом зале Нижегородской консерватории. Наравне с великими А. Вивальди, Г. Генделем и И.С. Бахом на фестивале были представлены малоизвестные сегодня композиторы XVII–XVIII веков, прославленные при жизни и пренебрежительно забытые после смерти.

Музыканты исполняли сольные произведения (Чакона для скрипки соло, Куранта для клавесина соло) и выступали в самых разнообразных ансамблях: это и трио (трио-сонаты), и дуэты (Соната для скрипки и basso continuo, Прелюдия для двух клавесинов).

Ансамбль «Тонкие струны»

Главным героем фестиваля, как и прежде, стал камерный оркестр «Солисты Нижнего Новгорода». Особенное впечатление на слушателей произвёл заключительный концерт Фестиваля, где «Солисты» под управлением Кристофа Майера блистательно исполнили мелодраматическую версию балета К. Глюка «Дон Жуан». Молодой энергичный дирижёр играл на бубне, приплясывал, а неподражаемый Владимир Клапатюк (артист театра «Преображение») так представлял сицилийские страсти, что зритель замирал в ожидании очередного поворота событий.

Интересно, что к сочинениям мастеров прошлых веков обращаются молодые исполнители. Как считает Евгений Свиридов, «барочная музыка имеет параллели с рок-н-роллом: такая же ритмическая остинатность и мелодическая гибкость, — отсюда задор при её исполнении». И действительно, свежести и молодого драйва в выступлении ансамбля «Тонкие струны» (Евгений Свиридов — барочная скрипка, Анна Дмитриева — барочная скрипка и выпускница ННГК Екатерина Бязрова — клавесин) было хоть отбавляй. Музыканты улыбались, подмигивали друг другу, воспроизводя дух музыки XVII века.

От участников ансамбля «Дух ветра» (гобой — Ф. Нодель, П. Загребаев, фагот — М. Шилен-

ков и клавесин — Ю. Кузнецова) исходил тот же позитивный посыл, который с лихвой восполнял некоторые шероховатости в исполнении виртуозных пассажей. Звучание музыки Й.Ф. Фаша, Я.Д. Зеленки и А. Вивальди перемежалось доверительным общением музыкантов со слушателями. Филипп Нодель просто и доступно рассказывал о неизвестной слушателю музыке, так что она становилась близкой и понятной. «Мы очень плотно занимаемся XVII и XVIII веком, каждый раз обнаруживая новых авторов и новые произведения, и своими находками всегда с радостью делимся с публикой».

Кроме исполнительского, есть интерес слушательский, который, в данном случае, оказался вызван многими причинами: одних привлекла афиша, других — старинные залы, третьих — молодые, талантливые исполнители и именитый дирижёр. Но с какими бы ожиданиями не пришли слушатели, все попали под очарование изысканной старинной музыки. «По реакции публики, — говорит Кристоф Майер, — я могу понять, что эта музыка воодушевляет, вдохновляет, заряжает энергией, а значит, она созвучна нашему времени».

Ксения Кошкина

Юбилейный год «Солистов Нижнего Новгорода»

Для нижегородского камерного оркестра «Солисты Нижнего Новгорода» 2014 год стал особенным. На долю оркестра выпало множество приятных дат и событий. Только за этот год коллектив дал около ста концертов на различных площадках. В начале ноября «Солисты» провели пятый фестиваль «Барокко и классика» под неизменным руководством К. Майера. Ровно десять лет назад оркестр начал сотрудничество с этим известным немецким дирижером, с которым погрузился в тайну исторического исполнительства. Круглой датой можно ознаменовать и встречу коллектива с пианистом и дирижером И. Жуковым, подарившим оркестру «новую жизнь». Однако, главным и самым ярким событием этого года для «Солистов Нижнего Новгорода» стал юбилей — коллектив отмечает двадцатилетие! Уже открытие концертного сезона прошло по-праздничному. В нем принимала участие известная молодая скрипачка А. Баева с совместной программой «Primadonna». Однако главный юбилейный концерт оркестра состоялся 16 ноября в зале Нижегородского государственного университета им. Лобачевского под символичным названием «Солисты Нижнего Новгорода — 20 лет ваших аплодисментов». Подробнее о юбилейном сезоне и жизни оркестра рассказал его художественный руководитель Владимир Петрович Плаксин.

— Владимир Петрович, примите поздравления с юбилеем. Расскажите, как все начиналось.

— Нам 20 лет! В 90-х мы назывались ансамбль солистов «София», и именно в те годы под руководством профессора Нижегородской консерватории С.Н. Пропищан был заложен фундамент нашей ансамблевой игры и совместного музицирования. Это очень важно, поскольку тогда мы часто играли без дирижера, а в оркестре главное — насколько люди могут взаимодействовать друг с другом, играть в ансамбле. Еще один неотъемлемый компонент, заложенный в фундамент коллектива, — это дружеские отношения, мы всегда считали оркестр нашей большой семьёй. Как в маленьком коллективе, например квартете, так и в камерном оркестре, люди должны быть расположены друг к другу, относиться с уважением и любовью. Только в этом случае может возникнуть настоящий контакт, атмосфера, способствующая достижения наилучшего творческого результата.

— На Ваш взгляд, отличается ли муниципальный камерный оркестр «Солисты Нижнего Новгорода» от камерного оркестра «София». Изменилась ли творческая концепция коллектива, репертуарные приоритеты, исполнительская манера?

— Когда камерный оркестр «София» преобразовался в «Солисты Нижнего Новгорода», мы сделали ставку на приглашенных дирижеров. Нам повезло и с Игорем Жуковым, и с Кристофом Майером. Игорь Михайлович Жуков — прекрасный пианист, выпускник Московской консерватории,ученик Г.Г. Нейгауза и создатель Московского камерного оркестра. Так случилось, что мы обратились к Игорю Михайловичу в то время, когда его коллектив распался и он был свободен в плане работы. Как мне сейчас кажется, все в жизни не случайно. Оказывается, он даже ждал нашего звонка и сам хотел предложить сотрудничество. Мы договорились, что Игорь Михайлович будет приезжать к нам пример-

Камерный окрестр «Солисты Нижнего Новгорода»

но на 8–10 программ в сезон. У Игоря Михайловича прекрасный вкус, он точно слышит звучание оркестра, каждого инструмента. Особенно он выделил три момента, чрезвычайно важных для всех исполнителей: текст, ритм и фраза. В результате 10-ти дневных репетиций получалось так, что на концерте оркестр начинал звучать по-другому.

— Как произошла встреча оркестра с известным немецким музыкантом К. Майером? Что Вы могли бы рассказать о серии проектов «Историческая исполнительская практика» под его руководством? Аутентичная манера исполнения стала для оркестра уже привычным делом?

— У меня есть друг, Марк Гуревич, который раньше играл в нашем оркестре, а сейчас живет в Германии. Так вот благодаря ему Кристоф узнал, что в Нижнем Новгороде есть оркестр, который интересуется историческим исполнительством.

К. Майер — наша вторая путеводная звезда. С его появлением в нашей жизни мы серьезно начали заниматься «исторической исполнительской практикой», т.е. исторически адекватным исполнением музыки эпохи барокко, в которой артикуляция, штрихи, — все соответствует времени написания этих сочинений. При таком исполнении музыка наполняется необыкновенными красками и оживает.

— Владимир Петрович, скажите, публика сразу приняла ваши программы с Кристофом Майером и Игорем Жуковым?

— Поначалу в зале было очень мало слушателей. Мы переживали, поскольку концерты получались весьма достойными, а публика не шла. Наверное, в то время к нам не было доверия, ведь поменялось название коллектива, сменился руководитель. Но прошло время, и люди начали приходить на концерты, потому что и оркестр зазвучал по-другому. Сейчас у нас есть поклонники, которые стараются не пропускать ни одного нашего выступления. Мы открыли новые площадки. С 2010 года выступаем в планетарии с программами «Музыка среди звезд» («Времена года» А. Вивальди),«Сады гармонии», «Музыкальный фейерверк». А с прошлого сезона мы начали постоянные выступления в зале Усадьбы Рукавишникова с программами «Итальянские мастера» и «Немецкие гении». В декабре готовим премьеру: программу «Штраус plus».Как мне кажется, за время работы с К. Майером и И. Жуковым оркестр многого добился и обрел свою публику.

— Скажите, работа с какими еще дирижерами и солистами заряжает оркестр особым энергетическим и творческим импульсом? Кто-то из них будет принимать участие в юбилейном сезоне?

— Работали и продолжаем работать с бывшим участником нашего коллектива Даниилом Гришиным, который недавно начал заниматься дирижированием, имеем хороший опыт сотрудничества с Владимиром Онуфриевым из Архангельска, Олегом Худяковым из Москвы, Павлом Герштейном из Костромы и с молодым дирижером Максимом Емельянычевым. Максим когда-то даже участвовал в нашем проекте «Юношеские ассамблеи». В этом музыкальном проекте мы отбираем лучших учащихся музыкальных школ и училищ Нижегородской области для выступления с нашим оркестром на сцене консерватории. Именно там он впервые выступал в качестве дирижера с нашим коллективом. Сейчас мы приглашаем Максима на серьезные программы и концерты. Он — талантливый, перспективный, и с ним действительно интересно работать. Список музыкантов, с которыми мы выступали, на самом деле очень большой, боюсь кого-то не назвать: Наталья Кириллова (сопрано), Наталья Полунова (флейта). Из скрипачей в прошлом сезоне у нас был Александр Тростянский, из пианистов — Евгений Брахман, Руслан Разгуляев. В качестве основного солиста с оркестром выступает наш концертмейстер — Дмитрий Стоянов. Первый раз в сентябре этого года мы сыграли с Аленой Баевой и очень этому рады.

— Существует ли у коллектива гастрольная политика. Какие из последних туров оказались плодотворными?

— В 2011 году у нас были две важнейшие гастрольные поездки. В городе-побратиме Эссене мы представляли Нижний Новгород, выступали совместно с хором, который так и назывался «Эссен», и сыграли несколько концертов, посвященных 20-летию побратимских отношений между нашими городами. Все прошло замечательно. В мае 2015 года мы получили приглашение вновь приехать в Эссен на празднование 70-летия окончания второй мировой войны. В ноябре 2011 года мы съездили в Сербию. У нас были концерты в городах Белград, Нови-Сад и Бачка — Паланка. Там нас тоже прекрасно принимали. С И. Жуковым мы были на фестивалях в Москве, Ярославле, Сарове. Все программы, сделанные совместно с Игорем Михайловичем, очень важны для нас. Мы выпустили диск нашего оркестра с И. Жуковым и планируем еще один, куда войдут записи с различных концертов. Проект «Историческая исполнительская практика» с К. Майером перерос в фестиваль «БАРОККО и КЛАССИКА Нижний Новгород» В ноябре этого года состоялся юбилейный пятый фестиваль. И вообще для нас каждый приезд К. Майером — праздник, его очень любит публика.

— Как оркестр отметил юбилейный концерт, кто принимал в нем участие и какую программу вы подарили слушателям?

— Юбилейный концерт прошел в зале Университета им. Лобачевского, поскольку сегодня это наша

основная площадка. Конечно, пригласить всех, с кем мы сотрудничали хотя бы последние пять лет, мы не могли. Поэтому пригласили, в основном, нижегородских музыкантов, с кем мы действительно много и плодотворно сотрудничаем. Это Д. Гришин, Е. Брахман, Н. Власов, «Style квартет», Е. Смолянская, которая выступила совместно со своими ученицами и одновременно артистами нашего оркестра Н. Тельминовой и В. Манохиной. Учащиеся ДМШ №12 Э. Иванова и П. Приставка представили наш проект «Юношеские Ассамблеи». Было двое солистов из других городов — приезжал исполнитель на бандонеоне, петербургский музыкант А. Митенёв и Н. Кириллова (сопрано) из Перми. И, конечно, мы сыграли с нашем концертмейстером Д. Стояновым. Нам хотелось создать по-настоящему праздничный концерт. В этот вечер пришли наши поклонники, было много положительных эмоций и поздравлений. Мы старались играть веселую музыку: от классического репертуара до киноисторий XX века. Вечер получился замечательный!

— Есть ли у оркестра репертуарные приоритеты? Какую музыку исполнители предпочитают играть? В выборе репертуара Вы ориентируетесь, в первую очередь, на интересы коллектива или предпочтения публики? Какое место в репертуаре коллектива занимает современная музыка?

— Конечно, мы считаемся со вкусами публики, но в первую очередь — это наши собственные пристрастия. Мы играем всё, что написано для камерного оркестра. Выбор программы в основном исходит от того, где будет проходить концерт и для какой публики. Например, многих слушателей пугает современная музыка. И если мы будем играть её в усадьбе Рукавишниковых или в планетарии, то я боюсь, что публику оркестр потеряет. Но на фестивале «Картинки с выставки» или «Contemporary Folk» мы можем исполнять современную академическую музыку без опасения, поскольку на эти концерты приходит подготовленная публика. Мы стараемся разбавлять «шлягеры классики» малоизвестными сочинениями. Главное, чтобы музыка была интересной и слушателям, и исполнителям.

— Поделитесь, пожалуйста, каковы перспективные оркестровые планы, скажем, на ближайшие пять лет.

— Пятилетнего плана у нас нет, к сожалению. Сейчас я думаю над сезоном 2015–2016 годов. Надо придумать программу для поездки в Эссен в мае и еще есть много текущих вопросов... В будущее мы смотрим с оптимизмом! Надо трудиться и все получится!

Беседовала Виолетта Сорокина

Primadonna скрипки: Алёна Баева о себе и не только…

Открытие юбилейного для оркестра «Солисты Нижнего Новгорода» концертного сезона было ознаменовано приездом очень востребованной в сегодняшнем музыкальном мире скрипачки Алены Баевой с программой «Primadonna». В последние годы мировое скрипичное исполнительское искусство значительно помолодело, но яркая и харизматичная Алёна Баева не потерялась в этом игровом пространстве. Ей еще нет и тридцати, а она уже завоевала признание во многих странах мира, за её плечами несколько престижных конкурсов, активная гастрольная жизнь. Название концертной программы в Нижнем Новгороде отразило статус молодой исполнительницы, поскольку за именем А. Баевой закрепился титул «primadonna скрипки». Алену по праву можно считать не только успешной, но и счастливой женщиной, ведь в её жизни есть любимая работа, заботливый муж и двое детей. Несмотря на известность и «звездность», она остается искренним и эмоционально открытым человеком. Подробно о своем творческом пути скрипачка рассказала в своем интервью.

— Алёна, традиционный вопрос — как всё начиналось? Заниматься музыкой Вы стали по собственному желанию или под «нажимом» родителей?

— Началось все с того, что мои родители встретились, познакомились, полюбили друг друга и поженились. У меня замечательная семья. Родители — музыканты. Мама — пианистка, она преподавала в училище, а папа играл на контрабасе и бас-гитаре.

В пять лет мама отвела меня в музыкальную школу. В детском саду я всегда чисто пела, и из-за хорошего слуха меня сразу же взяли в класс скрипки.

— Вы сразу полюбили этот инструмент?

— Совсем нет. Если честно, виолончель я любила больше, поскольку у неё очень красивый звук. Со временем я поняла, что увлеченность тем, что я делаю — возрастает, а с этим усиливается любовь к скрипке. Сегодня она стала выразителем моих мыслей и чувств, моим музыкальным языком.

— Вы помните занятия со своим первым педагогом?

— У меня была прекрасная первая учительница. Я считаю, что один из главных факторов для будущего развития маленького музыканта — это хороший педагог, который скажет правильные вещи в правильное время. Мне очень повезло. Моим первым педагогом стала Ольга Николаевна Данилова. До десяти лет я училась в её классе в Алма-Ате.

— На что она в первую очередь обращала внимание?

— Мне кажется — на все. Ольга Николаевна занималась с учениками очень всесторонне. Конечно, главное отличие первого педагога от педагога студенческого — это способность сразу поправлять постановку рук, чтобы все было правильно, свободно, легко. У неё был очень тонкий баланс ведения урока. Она никогда не подавляла музыкальность учащегося.

— Ваши первые впечатления от музыкальной школы?

— Это была очень большая и известная музыкальная школа имени Прокофьева в Алма-Ате. Мы любили гулять по коридорам этого огромного, очень красивого здания. В школе я продолжила петь. Однажды стояла у хорового класса, ко мне подошли и спросили: «Будешь ходить на хор?», я ответила: «Буду!»

— Известно, что в ЦМШ при Московской консерватории Вы учились у народного артиста СССР, профессора Э. Грача. Чем запомнился этот период жизни?

— Мне было десять лет, когда я приехала в Москву. Эдуард Давидович услышал мое выступление на конкурсе в Новосибирске и пригласил учиться в столице. В это же время корифей скрипичной педагогики З.Е. Брон предложил мне продолжить образование в Германии. Кроме того, была возможность поехать на учебу в Петербург. Наверное, это все потому — что я умела очень быстро играть.

Тогда передо мной встал выбор, и папа, поговорив с тремя профессорами, принял решение, что мне нужно ехать в Москву. Э.Д. Грач — преемник школы А. Ямпольского, великого советского скрипача и педагога, у которого в свое время учились Л. Коган, И. Безродный. Эдуард Давидович — очень требовательный педагог, он замечательно развивал эмоциональную сторону, художественную отдачу в игре музыканта. У него хорошая интуиция, он точно чувствует предел возможностей ученика, но всегда дает произведения чуть сложнее, чем нужно, для того чтобы учащийся стремился к лучшему. Он мог сказать мне: «Послезавтра играешь концерт Бруха», который я уже не исполняла, например, полгода. И я

Алена Баева

делала все для того, чтобы сыграть этот концерт и, как правило, получалось у меня хорошо. Хотя на тот момент мне было всего двенадцать лет. Долгое время я была единственной младшей ученицей в классе Э.Д. Грача, все остальные его воспитанники в тот момент — студенты. Но меня вместе со всеми брали в поездки по России на концерты класса. Я до сих пор пожинаю плоды этой школы. А Эдуард Давидович и сейчас прекрасно работает!

— Сакраментальный для музыканта вопрос — сколько часов приходилось заниматься ежедневно?

— По-разному. У меня были сложные программы, и я каждый год готовилась к различным детским конкурсам, которые очень любила. Конкурсы прекрасно мотивируют. Старалась заниматься по два-три часа в день.

— Тогда Вы уже точно знали, что продолжите обучение в Московской консерватории и навсегда свяжете свою жизнь с музыкой?

— Подразумевалось, что да.

— В консерватории Вы продолжили учиться у Э. Грача?

— Э.Д. Грач — человек старой закалки, в то время, как правило, не было принято переходить от одного педагога к другому. К тому же он был мне как второй отец, всегда заботился обо мне, опекал, и знал, что со мной происходит. Он тесно общался с родителями, и фактически стал членом нашей семьи. Поэтому мне было сложно представить рядом другого профессора.

Помню, однажды мне сказали, что есть фонд Анны–Софи Муттер в Германии, который помогает молодым талантам. Мне было 13 лет, и я предложила Э.Д. Грачу послать туда мою запись, на что он мне ответил: «Зачем тебе Муттер, если у тебя есть свой музыкальный Фаттер?» У него всегда было ревностное отношение к своим ученикам.

— Известно, что по приглашению М. Ростроповича Вы прошли стажировку во Франции в 2003 году. Как произошла встреча с Мастером?

— В то время существовал фонд Ростроповича, куда можно было присылать свои записи. Я участвовала в концертах фонда, где сам маэстро слушал стипендиатов. Фонд помог купить мне итальянскую скрипку. А потом Мстислав Леопольдович решил отправить меня в Париж. Обучение продолжалось три года. Это был огромный опыт, который изменил всю мою жизнь. Именно в Париже я оценила и полюбила французскую культуру.

— Сейчас Вы играете на скрипке Страдивари. Это тот самый инструмент, который Вы купили с помощью фонда Ростроповича?

— Нет, эта скрипка принадлежит Государственной коллекции музыкальных инструментов в Москве. Я её арендую, но, безусловно, хотелось бы иметь свой инструмент.

— У Вас довольно большая конкурсная история. Какой конкурс оставил самое сильное впечатление?

— У меня не самая обширная конкурсная биография. В моей жизни было всего пять взрослых соревнований. Они все для меня очень важны. Конкурс Венявского открыл новые возможности, интенсивную концертную жизнь. Последний мой конкурс состоялся в 2007 году в Японии, и я влюбилась в культуру этой страны. Был и конкурс королевы Елизаветы в Брюсселе, который я считаю самым лучшим в мире. Он потрясающе организован, туда съезжаются самые сильные скрипачи, которых оценивает высоко профессиональное жюри.

— Случались ли в вашей творческой жизни неудачи?

— Да, думаю, были. Смотря, что называть неудачей. Я, например, не считаю, что не получить на конкурсе первую премию — это поражение. Для кого-то, возможно, катастрофа, но не для меня. На конкурсе королевы Елизаветы, будучи двадцатилетней скрипачкой, я не вошла в финальную шестерку, и не завоевала призового места. До сих пор не считаю это своей неудачей. Возможно, было не совсем подходящее для меня время, и если бы я поехала туда на 5 лет позднее, что-то поменялось. Главное, этот конкурс стал огромным опытом.

— После окончания консерватории у Вас началась плодотворная творческая жизнь. Как она складывается?

— Я стараюсь комбинировать концерты в туры, поскольку у меня семья, двое детей, и я хочу проводить с ними больше времени. Сначала я таскала обоих малышей с собой по всем концертам и гастролям. Мне казалось, что их можно взять подмышку, и в этом нет ничего особенного. Мне было очень важно, чтобы дети всегда находились со мной. Сейчас я так не делаю, поскольку старший сын ходит в школу, младшая дочь в садик. Я очень рада, что у меня они есть, ведь в Европе о детях начинают думать только после тридцати.

— Вы хотите, чтобы сын и дочь пошли по Вашему пути?

— Я думаю, что музыка необходима, так же как знание иностранного языка. Важно, чтобы дети развивались всесторонне. Музыка — это искусство, это история, математика, физический контроль своего тела при занятиях, это все. Главное, чтобы был такой учитель, который внушил, что занятия музыкой — это радость. Старшему сыну шесть лет и он занимается на виолончели. Дочери — четыре, она сама принесла мне летом учебник своего брата по сольфеджио, и сказала: «мама научи меня так же читать и петь ноты, как Миша».

— Алена, Вы много гастролируете. В каких странах и городах чувствуете себя особенно комфортно?

— Я очень люблю путешествовать, и чувствую себя счастливой, потому что у меня есть эта возможность. Перед концертом я могу прогуляться, посмотреть достопримечательности. Я даже хотела бы пожить в некоторых странах, мне сложно выделить одну из многих полюбившихся. Каждое место чем-то прекрасно. Понравилось в Бразилии, где царит прекрасная атмосфера счастья, свободы, там очень открытые люди. В Канаде мы ходили в поход, там чистейшие озера. В Лондоне — прекрасный тонкий юмор. Ты прилетаешь в другую страну и оказываешься в атмосфере их культуры, языка, кухни, традиций, и все эти детали потом хранятся в твоей памяти.

— Отличается ли публика разных стран?

— Да. В Германии — очень сдержанная. А в Бразилии слушатели за две минуты до окончания моего концерта начали вставать, топать ногами, свистеть, как на футбольном матче. Я даже испугалась, но оказалось, что так выражается их восторг.

— Какому репертуару Вы отдаете предпочтение?

— Стараюсь играть разную музыку, разных периодов, разных стилей, потому что это важно для развития музыканта.

— Менялись ли Ваши вкусовые пристрастия за двадцать лет занятий музыкой? Ваши любимые композиторы сегодня?

— Не было глобальных перемен, которые вели бы меня то в барочную, то в современную музыку. В настоящее время я не так много исполняю сочинений, написанных сейчас, поскольку мне пока трудно разбираться в том, что стоящее, а что нет. Я играю, так сказать, шестерку известных концертов — это Брамс, Бетховен, Мендельсон, Брух,

Чайковский и Сибелиус. Обожаю Второй Концерт Бартока. Это — фантастическая музыка, сказочная, образная. В неё невозможно не влюбиться. Хотелось бы сыграть потрясающий скрипичный концерт Бриттена. Но в концертных программах существуют стереотипы, которые срочно нужно ломать.

— Алена, Вы за аутентичное исполнение?

— Я за аккуратность и образованность исполнения. Любой музыкант должен все знать о произведении, как было принято интерпретировать его в то время, когда оно было создано. Это то же самое, если говорить по-английски с явным русским акцентом и считать это правильным.

— С какими оркестрами Вам приходилось сотрудничать?

— Мне удалось поработать со многими оркестрами разных стран. Запомнилось сотрудничество с Венским камерным оркестром. Они прекрасно, фантастично исполняют сочинения Бетховена.

Я играла со всеми российскими оркестрами. Очень нравится выступать с оркестром Мариинского театра. Мы неоднократно концертировали с В. Гергиевым, и это невероятное удовольствие, поскольку он — потрясающий мастер. Валерий Абисалович — гигант, подвижник, фантастический дирижер. Он один из тех, кто соединяет всех исполнителей в один энергетический канал, создаёт вокруг себя атмосферу, ауру. Это удается не каждому известному дирижеру. У него невероятная энергетика, очень сильная. Я поражаюсь его памяти, он помнит все — что, где, когда с кем и в каком году исполнял. Он очень доверяет солисту, и при игре с Гергиевым возникает особая свобода. Хотя репетировать с ним часто не получается, поэтому на концерте нередко возникают импровизации. Это придает определенную остроту в работе с ним, и в этом отражается его стиль.

— За эти годы Вам посчастливилось познакомиться со многими великими музыкантами. Какие встречи стали для Вас незабываемыми?

— Когда мне было 16 лет, на мастер-классе в Израиле я познакомилась со скрипачом Ш. Минцем, он — прекрасный музыкант. Несколько раз я брала у него уроки. В его классе было всего пять-шесть скрипачей, там царила необыкновенная атмосфера. Он мне рассказал об особенностях и тонкостях исполнения.

В 2006 году я первый раз встретилась с маэстро Ю. Башметом. У нас сразу нашелся общий музыкальный язык. С тех пор мы продолжаем сотрудничество. Общение с таким выдающимся музыкантом, искренним, теплым человеком научило меня многому. В каждом его концерте есть что-то уникальное, какой-то неповторимый момент. Ю. Башмет обладает великим чутьем импровизации. Мне очень повезло с педагогом по камерному ансамблю в консерватории, виолончелистом А. Рудиным. Я обожаю его как музыканта, исполнителя, дирижера. Он — скромный, но феноменально одаренный человек.

— Возможна ли дружба между музыкантами или только творческое партнерство?

— Мне кажется, что музыка — особый язык. Дружба не может не возникнуть, потому что возникает симпатия к человеку, с которым работаешь. В игре отражается и внутренний мир, и характер твоего партнера. Среди моих друзей большинство музыканты.

— Как часто Вы выступаете в нашем городе, приходилось ли уже сотрудничать с оркестром «Солисты Нижнего Новгорода»?

— Это первый раз, когда мы играем вместе с «Солистами». Я очень рада, что познакомилась с этим оркестром, потому что он работает превосходно. После первых десяти минут репетиции я поняла, что их можно поставить на один уровень с ведущими оркестрами многих стран. Это профессиональный камерный ансамбль, где люди очень любят музыку и преданы своему делу. Я надеюсь, что наше сотрудничество продолжится.

— Когда Вы себя чувствуете более комфортно на сцене, если за спиной целый оркестр или только партнер по исполнению камерного репертуара?

— Все зависит от человека, музыки и зала, от настроения в данный конкретный момент. Я не могу сказать, что больше волнуюсь в какой-то ситуации. Конечно, большинство концертов я играю с оркестрами. Это совершенно другой жанр и стиль, потому что дуэт всегда предполагает более тесное взаимодействие. Важно чувствовать всех музыкантов, которые с тобой работают. Для меня приоритетно, чтобы исполнение получилось интересным.

— И в заключение, как Вам удается совмещать такую плодотворную творческую деятельность и счастливую семейную жизнь? Поделитесь секретом успеха.

— Могу сказать, что я не все успеваю. Только сейчас начинаю слушать много разной музыки, читать. Мне нравится уделять время семье, но нет возможности часто общаться с друзьями. Раньше я была ужасно безалаберная, надо мной даже друзья шутили: «Вот забудешь ребенка в такси или еще где-нибудь». Главное — это планирование, нужно думать о том, что бы ты хотел сделать через год, пять лет.

Беседовала Виолетта Сорокина

Музыка современности в «Картинках»

Фестивали современной музыки сегодня проходят один за одним, что само по себе прекрасно. Ощущение нерва времени, отражённого в последовательности музыкальных звуков, позволяет почувствовать ни с чем несравнимую радость сопричастности происходящему вокруг.

Международный фестиваль «Картинки с выставки» проходит в Нижнем Новгороде уже в пятый раз. «В нынешнее совсем не самое музыкальное время это само по себе подвижничество», — сказал в приветствии Родион Щедрин. От других подобных мероприятий, которые, как правило, выбирают узкий спектр «новоиспеченных» произведений, «Картинки» отличаются своей многоплановостью. Охватывая разные направления, легче увлечь большее количество слушателей, что, если не для композиторов, то для организаторов является первостепенной задачей.

Масштабный цикл состоял из семи концертных и одного музыкально-театрального вечеров. Открылся он **«Музыкой для детей»**, которую исполняли учащиеся ДМШ и Нижегородского колледжа им. М.А. Балакирева. Исполняли по-разному — с разной степенью включённости и понимания, так что порой недоумение повисало в зрительном зале: дети не улавливают музыкальные токи своего времени? Начинать так фестиваль было рискованно, но только не для «Картинок», у которых есть имя и которые имеют право на эксперименты.

Были и откровения. Так Сергей Уткин, ученик 9 класса детского отделения при НМК, темпераментно исполнил масштабную фреску под названием Токката для фортепиано Юрия Николаева, а Евгения Сотова (2 курс ННГК) по-театральному «вкусно» преподнесла Две пьесы Веры Костериной (Саранск) для сопрано, детского ксилофона и джембе. Пожалуй, лучшим стоит назвать выступление Павла Абелевича (4 класс ДМШ №6) и Ольги Гринес, исполнивших Фантастическое танго для двух фортепиано Джеффа Манукяна (США-Армения).

Завершал концерт масштабный хоровой финал. В исполнении сводного хора ДШИ №9, хоровой студии «Камертон», школы «Жаворонок» и капеллы мальчиков НХК им. Сивухина под управлением Владимира Попова светло и вдохновенно прозвучали «Музыка» С. Смирнова и «Нижегородские соловушки» Э. Фертельмейстера.

Следующая «картинка» — концерт **«Музыка молодых»** — была выписана по принципу диалога двух композиторских школ Нижегородской консерватории: профессора Б.С. Гецелева и доцента Д.О. Присяжнюка. Ученики первого больше тяготеют к рельефной выпуклости тематизма и стройности формы, а ученики второго — к поиску неожиданных темброво-звуковых сочетаний и жанровым микстам.

Сочинения молодых композиторов в этот день были представлены исключительно жанром инструментального концерта. Как точно заметил зав. кафедрой теории музыки ННГК, профессор В.Н. Сыров, этот концерт можно рассматривать в качестве своеобразных «вариаций на жанр».

Среди самых интересных, пожалуй, стоит назвать «Танец пещерных монстров» Ли Юнькуня (класс Б.С. Гецелева) для скрипки со струнным оркестром, где драматургическая логика развития приводит к пентатоническому просветлению, своеобразному «очеловечению» этих самых монстров.

Выразительны в своей трагичности были монологи виолончели из Концерта Веры Костериной (класс Б.С. Гецелева), который в чём-то близок колориту музыки Д. Шостаковича.

Графически стройным ансамблевым письмом и драматургической цельностью отличался Концерт для флейты и ударных со струнным оркестром Екатерины Суворкиной (класс Д.О. Присяжнюка).

Муниципальным камерным оркестром «Солисты Нижнего Новгорода» в этот вечер вдумчиво и чутко руководил дирижёр Владимир Онуфриев (Архангельск). Глубокое понимание тембровой индивидуальности каждого солирующего инструмента, будь то виолончель или английский рожок, литавры или скрипка, позволяло ему бережно вплетать звучание оркестра в полотно сочинения. Поразило уважительное отношение дирижёра к сочинениям молодых композиторов. В интервью он сказал, что «сознательно воздерживался от каких-либо оценок исполняемой им музыки» и задачей своей считал «максимально точно передать замысел автора без потерь».

Хоровая студия «Камертон» дир. Т. Гольдберг

Вечер **камерной музыки** представлял собой почти исключительно плотную вязь элитарной музыки — это тот самый случай, когда в зале не звучат крики «браво» и, тем более «бис», где каждое название встречают с любопытством и настороженностью, а по завершении концерта приходит осознание, что ты только что стал свидетелем нового музыкального высказывания, пусть спорного и, порой, странного, но, безусловно, глубокого и ценного.

Интересны три этюда в стилях для кларнета соло «Неоклассицизм», «Импрессионизм», «Экспрессионизм» Оксаны Зароднюк (Нижний Новгород), любящей остроту и «вкусность» тем. Сюита для двух баянов «Эхо ветра на поляне» Анджея Кшановского (Польша), напротив, завораживала своими импрессионистическими красками.

Татьяна Сергеева (Москва), постоянная участница «Картинок», на этот раз привезла Две салонные пьесы для домры и фортепиано — незатейливую музыку, в которой самому композитору порой, казалось, тесно. Салонная тема продолжилась багателью «A la leggiere...» Дениса Присяжнюка (Нижний Новгород), неожиданной для конструктивного стиля композитора.

Сочинения Т. Сергеевой и Д. Присяжнюка стали своего рода трамплином для погружения в глубоко драматичную музыку Б. Тищенко. Его Квинтет в исполнении Р. Разгуляева и участниц квартета Cantando по концентрированности и сложности музыкальной мысли явился апофеозом концерта.

В противоположность вечеру камерной музыки концерт **«Играет Нижегородский русский народный оркестр»** строился по принципу упрощения музыкального языка (забегая вперёд, упомянем «Чукотский танец» и «Любимую мелодию» В. Бибергана, прозвучавшие в финале, которые и вовсе оказались близки популярной музыке).

Трактовать оркестр народных инструментов можно по-разному. Можно видеть в нём средство выраженийя песенности, праздничности, яркой образности народной музыки. Так вальсы №2 и 3 «Тёмные аллеи» В. Беляева (Москва), воплощающие красоту бунинского антуража, и фантазия на японские темы В. Круглика (Санкт-Петербург) «Восточные сады императорского дворца», наполненные яркими красками и сочными темами, срывали овации зала. Так же были встречены публикой искромётные пьесы из сюиты С. Нестеровой (Санкт-Петербург) «Синюшкин колодец», несущие в себе совсем не питерское солнце и энергию.

По-иному используют тембральные возможности народных инструментов Григорий Зайцев (Москва) и Владимир Пороцкий (Германия-Россия). Musika trista Г. Зайцева построена на смене ансамблевых сочетаний домры с разными голосами ор-

Нижегородский русский народный оркестр. дир. В. Кузнецов

кестра, а Концерт-поэма В. Пороцкого — на патетических речитативах в диалоге с полифонически насыщенной фактурой оркестра.

Успех концерта **фортепианной музыки** был определен как исполнителями — пианистами Иваном Соколовым (Германия-Россия) и Ингой Казанцевой (Франция-Россия), так и музыкой, впервые ими представленной в Нижнем Новгороде. Прозрачные, светом наполненные прелюдии-состояния из цикла «Вниз по терциям» Г. Пелециса (Латвия) в исполнении И. Соколова, сменились прелюдиями из цикла «Евангельские картины» самого И. Соколова, в которых Божественное неразрывно сплетено с человеческим, а потому пронизано остро романтическим порывом.

Инга Казанцева — пропагандистка музыки современных французских композиторов, также постоянная участница «Картинок», для нынешнего своего выступления выбрала сочинения трех многонациональных авторов: французского композитора грузинского происхождения Николя Зурабишвили, француза Мориса Оана, родившегося в Касабланке, и Альфреда Шнитке. По мнению пианистки, эта многонациональность сказывается на многогранности и самого композитора, и его музыки.

Кульминационным по силе воздействия стало исполнение И. Казанцевой и актрисой Нижегородского театра драмы им. М. Горького Людмилой Штепановой «Пяти афоризмов» А. Шнитке, которые перемежались чтением стихов И. Бродского.

«Картинка» из **музыки для камерного оркестра** («Солисты Нижнего Новгорода» играли под управлением Павла Герштейна, Кострома) состояла из сочинений, каждое из которых достойно упоминания. Братиславский концерт №5 Е. Иршаи (Словакия) — стремление вместить запредельность и противоречивость 134-го сонета Петрарки «Мне мира нет, — и брани не подъемлю...». Белорусский концерт М. Броннера (Москва) — сочинение, вмещающее в себя богатство души, теплоту, трагичность судьбы целого народа. «Музыка для струнных. Памяти Гоце Коларовски» Е. Щербакова (Канада) — заострённая

через аллюзии на македонскую песню-плач и григорианский хорал трагическая тема. Эффектный Концерт для фортепиано с оркестром Х. Гурецкого (Польша) и в заключение — упоение жизнью — Кончертанте Мишеля Роша (Швейцария).

Музыке этого вечера явно повезло, поскольку в качестве солистов выступали ведущие музыканты консерватории: Юрий Гуревич (баян), Кристина Фиш (домра), Руслан Разгуляев (фортепиано).

Концерт **хоровой музыки** «картинкой» не назовёшь. Это скорее масштабное полотно, кульминационная точка, а в драматургии фестиваля — точка золотого сечения. Именно в этот день состоялась нижегородская премьера Реквиема Сергея Слонимского. Но прежде в исполнении Муниципального камерного хора «Нижний Новгород», бесспорно, лучшего хорового коллектива города под управлением Бориса Мокеева звучали произведения Л. Панкратова (Нижний Новгород), В. Ходоша (Ростов-на-Дону), С. Терханова (Саранск) и С. Смирнова (Нижний Новгород). Особенно остро воспринималась в этот вечер музыка С. Терханова: за несколько дней до фестиваля композитора не стало. Символично, что цикл «Свет предназначенья», три хора из которого прозвучали на концерте, написан на стихи Б. Окуджавы — поэта, сумевшего простыми словами передать то, что близко каждому. Слова «Отчего ты печален, художник...», «Весь этот век, такой бесплодный, есть дело наших горьких рук...» нашли своё воплощение в искренней, честной и пронзительной музыке Сергея Терханова. Как естественное продолжение вслед прозвучало сочинение С. Смирнова «Святая любовь».

Ещё один коллектив, участвующий в концерте, — Академический хор Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского под управлением Ларисы Ерыкаловой. Хор убедителен в своём амплуа молодёжного коллектива, много исполняющего лёгкую музыку, хоровые переложения инструментальных сочинений (на этот раз звучало и Libertango А. Пьяццоллы, и опус группы Muse), сопровождающего свои выступления элементами хорового театра. Он способен украсить любой фестиваль. Энергия, молодость и увлечённость этих ребят и девушек заражает. Можно было бы сказать, что хор ННГУ, выйдя за пределы академической музыки, расширил спектр охваченных фестивалем направлений. Но есть одно «но»: в нынешнем концерте в окружении музыки С. Терханова и С. Слонимского его легкая игривость воспринималась по меньшей мере странно.

Итак, Реквием. «Работая над ним, я думал о невинно убиенных, число которых увеличивается год от года, думал о греховности человека и об искуплении грехов, о покаянии как мериле нашей духовности», — эти слова С.М. Слонимского, на первый взгляд, предполагают музыку остро субъективную. Напротив, Реквием исполнен трезвости чувства и объёма, он есть — высказывание не личное, а обобщенное. Причём это касается не только хоровых номеров, но и сольных. Как известно, композитор изменил каноническую последовательность частей: Kyrie eleison стал предпоследним номером, а Lacrimosa приобрела ключевое значение, как открывающая и завершающая часть. Но это не единственное отличие — музыка некоторых частей изменяет смысл текстов. Так Kyrie eleison представляет собой не мольбу и не смирение, а некое утверждение, принятие существующего без отчаяния. Несмотря на общий надличностный характер этого масштабного сочинения, завершает его, тем не менее, Lacrimosa — пожалуй, единственная сокровенная музыка Реквиема.

Это непростое по музыкальному языку и образному строю сочинение было исполнено камерным хором «Нижний Новгород», симфоническим оркестром Нижегородской консерватории, солистами: Т. Гейн (сопрано), Н. Грушко (меццо-сопрано), А. Зубаренковым (тенор) и В. Ряузовым (бас) — которых горячо поблагодарил сам композитор, присутствовавший в зале. Особенно он отметил работу талантливого дирижёра ассистента-стажёра ННГК Ивана Стольникова (рук. профессор Э.Б. Фертельмейстер).

После столь масштабного хорового апофеоза сложно было бы чем-то удивить публику. Фестивалю стало тесно в рамках одного зала, и он переместился в Нижегородский театр оперы и балета им. А.С. Пушкина, где зрители смогли насладиться роскошной постановкой оперы-мюзикла Э. Фертельмейстера **«Коко Шанель. Страницы жизни».**

Сценография, созданная художником-постановщиком Виктором Герасименко, действительно, впечатляет. Огромная лестница, которая освещается в момент триумфального дефиле коллекции великой кутюрье. Полукруглая чёрная ширма, расшитая золотом, каждым своим поворотом открывающая новую страницу жизни Коко Шанель. Повинуясь духу времени, постановщики использовали и медиасредства для создания исторически правдивового образа — на большом овальном экране появлялись то портреты, то фотографии мастерской Шанель. Специально для этой постановки художник Игорь Дадиани создал более 350 костюмов, большая часть из которых представляет собой точную копию моделей Шанель. Но это всё не главное.

Глубиной, лиризмом и красотой спектакль всецело обязана музыке Эдуарда Фертельмейстера. Используя огромный арсенал доступных ему музыкальных средств — а это и интонации отечествен-

ной рок-оперы, и французский шансон, и джазовая ритмика, и аллюзии на музыку И. Стравинского, и английская балладность — композитор прорисовывает линию жизни сильной и одинокой женщины. Гибко следуя за изменениями в образах героев, он создаёт многоплановое, но единое в своём интонационном благородстве и драматургической устремлённости, полотно.

Среди исполнителей и исполнительниц ключевая роль принадлежит Надежде Масловой (Шанель), тембрально богатый голос которой передавал и нежность, и дерзость, и силу её героини. В целом опера-мюзикл Э. Фертельмейстера придала «Картинкам с выставки» новый жанровый масштаб.

Длительная пауза, которая отделяла, в силу объективных причин, спектакль и все предыдущие события от финального аккорда фестиваля — **симфонического концерта** — «подогрела» напряженное ожидание предстоящего события. Но дело не только в паузе. В этот день, наряду с изысканной Ольгой Дьячковской (сопрано) и экспрессивным Святославом Морозом (скрипка), в союзе с Академическим симфоническим оркестром филармонии под управлением А. Скульского на сцене Нижегородской филармонии выступала народная артистка СССР, легендарная виолончелистка Наталья Гутман.

Прозвучал «Бал масок» Ф. Пуленка, наполненный испепеляющим гротеском, Концерт №2 для виолончели с оркестром Б. Гецелева — оцепенение, переходящее в свет, и Concerto grosso №2 для скрипки и виолончели с оркестром А. Шнитке с его опорой на барочный стиль как незабвенное завещание великих мастеров прошлого. Весомо и глубоко фестиваль завершил свой масштабный разворот, а слушатели через музыку смогли попытаться понять, что же происходит в наше время с миром.

Ольга Капустян

Дирижёр Владимир Онуфриев

В рамках фестиваля «Картинки с выставки» состоялся концерт камерного оркестра «Солисты Нижнего Новгорода» под руководством дирижера Владимира Онуфриева. Сочинения совсем молодых композиторов были исполнены так вдумчиво, серьёзно и глубоко, что непременно захотелось поговорить с Владимиром Михайловичем.

Он родился в Архангельске, детство и юность провел в Рыбинске и Ярославле, в хоре «Соколята». В. Онуфриев окончил Нижегородскую консерваторию по классу М.А. Саморуковой, а ассистентуру-стажировку — у И.Б. Гусмана. Уже многие годы маэстро руководит Архангельским государственным камерным оркестром, который, как уверяют критики, стал благодаря ему,«одним из самых заметных явлений российской музыкальной жизни».

В.М. Онуфриев

— Расскажите, пожалуйста, о том, как Вы попали в Нижний Новгород.

— Огромную роль в этом сыграли два человека. Первый из них — Александр Иванович Безухов, ученик М.А. Саморуковой, у которого я учился в Ярославском музыкальном училище. В те годы его требования казались мне завышенными. Теперь я понимаю, что они были самыми верными и необходимыми.

Второй человек, который на меня очень сильно повлиял, — Владимир Александрович Понькин, также ученик М.А. Саморуковой и, кроме того, ученик Г.Н. Рождественского. Его работа за дирижёрским пультом Ярославского симфонического оркестра открыла мне глаза. Все мои интересы, связанные с дирижированием, проистекают из того времени. Вопросов, куда поступать и к кому, не было никаких — конечно, в Горьковскую консерваторию к М.А. Саморуковой.

Маргарита Александровна — человек, которого я вспоминаю каждый концерт по нескольку раз. Таких педагогов нет и больше не будет. Мало того, что это профессионал высочайшего уровня, это ещё и человек, посланный на землю для воспитания плеяды высококлассных профессионалов. Она учила жизни музыканта, жизни дирижера. И она, и Л.К.Сивухин, у которого мне, в свое время, посчастливилось петь в консерваторском хоре, говорили, что дирижер состоит на девяносто процентов из организации и на десять процентов из музыки. Но эти десять ты должен выполнять на сто двадцать.

Я поступил в Горьковскую консерваторию, а окончил Нижегородскую. И, будучи студентом 5-го курса, начал работать в Архангельске с оркестром. 23 года мы провели вместе с этим коллективом. И, по многочисленным отзывам музыкантов, — это один из тех оркестров, деятельность которых заметна. За время существования мы переиграли практически весь репертуар для камерного оркестра. Это уже жизнь.

— На этот раз Вы играли современную музыку, даже ультрасовременную, только что написанную. С Вашим оркестром современную музыку играете?

— Любой камерный оркестр, так или иначе, должен играть и старинную, и современную музыку. Потому как реанимация этого состава произошла как раз в середине XX века. Но выступаю я и не только с Архангельским оркестром. В моей дирижерской биографии есть, например, такой замечательный факт, которым я очень дорожу, — исполнение Первой симфонии А. Шнитке в Волгограде в 2001-м году. Очень серьезное произведение, для меня — эпохального значения.

— В начале 2000-х годов были очень популярны коллективы, которые назывались коллективами аутентичного исполнительства. Как Вы относитесь к попыткам приблизиться к звучанию, манере исполнения прошедших эпох?

— Сейчас это не называют аутентикой, это называют «исторически информированным исполнительством». И этому специально учат. Очевидно, что музыка того периода была рассчитана на определенные возможности инструментов, тогда существовавших, и способы игры были обусловлены определённым техническим уровнем. Безусловно, когда мы играем старинную музыку на современных инструментах, мы должны учитывать и стиль, и манеру исполнения того века. Но полностью вернуться в то время не получится. Я специально аутентичным манерам и приёмам не учился, многое приходится делать по наитию. Ищу для себя некоторый компромисс.

— В чем, на Ваш взгляд, разница между хоровым и симфоническим дирижированием?

— Дирижировать оркестром проще, в некотором смысле. Оркестр — более «самоиграющий» коллектив. Хор связан с поддержкой дыхания, с несколько иным ощущением звуковой ткани. Я сейчас редко с хором работаю и очень страдаю от отсутствия хоровых концертов. А когда это случается, нужно время, прежде чем я руками почувствую певческий «материал». Оперный опыт у меня тоже, к сожалению, по разным причинам небольшой. В концертном виде было кое-что из сцен, из арий, а в театральном виде совсем немного. Но мне опера интересна, хотя бы потому, что опера — это синтез искусств, там возможны очень многие интересные решения, которые можно и нужно искать. Не случайно опера во всём мире сейчас находится в состоянии подъема.

— Вы встали к оркестру совсем молодым человеком. Считается, что именно симфонический дирижер, в отличие от хорового, должен быть взрослым и опытным...

— Это абсолютная правда. Профессия начинается лет в 37–38. До того — подготовка. Много было опытов, которые могли привести не туда, иногда и приводили. Музыкантских ошибок было понаделано!.. Дело в том, что пианист ответственен только за то, как ведёт себя рояль, скрипач ответственен за то, как у него поведет себя скрипка, а ты — за людей, которые в какой-то момент времени... начинают тебе доверять.

Дирижер — это 6–7 профессий в одной, даже больше иногда. Это образ жизни. На самом деле, не человек выбирает этот род занятий, а род занятий выбирает человека. Когда получается иначе, получается плохо. Но когда эта профессия тебя выбрала, уж будь добр отвечай поставленным требованиям. Боишься, значит, надо чем-то другим заниматься.

— А если боишься, но очень хочется?

— Однажды я разговаривал с Ю. Башметом, и он сказал: «Если талант настоящий, то он пробьет путь», — и это правда. Вообще, слово талант — очень громкое слово. Если уж определенные способности тебе даны, это не награда, это инструмент, которым ты обязан воспользоваться. И если ты им не пользуешься, его просто отбирают. Или у тебя в жизни начинаются проблемы. В конце концов, даже если очень хочется, можно остаться хорошим любителем. Или, например, хорошим музыковедом, или популяризатором музыки, чего очень не хватает. Можно научиться рассказывать о музыке и принести людям очень большую пользу. Много дирижеров тоже не надо. Иначе профессия дискредитируется.

— Есть люди очень талантливые. Но успех их портит. Как Вы относитесь к «звёздной болезни»?

— Это сложный вопрос. Выходит, что я вынужден оценивать. Чем больше живу, тем меньше я стараюсь оценивать. Это, во-первых, дело неблагодарное, во-вторых, Оценщик у нас Там и Ему виднее. У многих музыкантов какие-то вещи получаются лучше, чем у меня. Что-то я могу сделать более-менее надежно. Каждый хорош в своём амплуа.

По поводу заносчивости и гордыни: этим человек грешен, что с этим сделаешь? Жизнь подсказывает, что если человек слушает внимательно то, что ему диктуют жизненные обстоятельства, он не будет зазнаваться.

Есть люди, которые достигли духовных высот, но при этом чрезвычайно скромны и смиренны. Вспомните людей святых. Они-то себя ощущали ниже своих собеседников. Мне кажется, жизнь каждому подскажет.

Беседовала Валерия Бражникова

Факультету народных инструментов 55 лет

В честь этой знаменательной даты в Нижегородской консерватории с 25 по 29 ноября прошел фестиваль народно-исполнительского искусства.

С чего же начиналась история факультета народных инструментов? А началось все, как ни странно, с кафедры специального фортепиано. В 1959 году, когда её заведующей была Б.С. Маранц, на кафедре открылся класс баяна. Впоследствии были открыты классы аккордеона, домры, балалайки и гитары. Но уже в 1962 году Юрий Васильевич Бардин, только что окончивший Академию им. Гнесиных, принял в свои руки небольшое отделение народных инструментов. Спустя 7 лет, благодаря усилиям Ю.В. Бардина, Н.Я. Чайкина и М.А. Саморуковой, маленькое отделение становится кафедрой. «Когда у истоков стоят такие мастера, трудно за ними не тянуться», — говорит профессор ФНИ, заслуженный деятель искусств РФ В.И. Голубничий.

Сегодня факультет народных инструментов ННГК — большой перспективный факультет, где трудятся 19 педагогов. «Баянная, аккордеонная, домровая, балалаечная и гитарная школы находятся в надежных руках наших преподавателей — и старшего поколения, и младшего», — говорит В.И. Голубничий. Каждый год факультет выпускает профессиональных музыкантов высокого уровня. Вместе с преподавателями факультета они продолжают дело своих наставников — сохраняют и приумножают традиции русского исполнительства на народных инструментах.

Нынешний фестиваль народно-инструментального искусства подарил возможность побывать на мастер-классах ведущих педагогов факультета. Так преподаватель, руководитель ансамбля Style-Quartet, лауреат международных конкурсов В.В. Пеунов на лекции «25-й час студента» раскрывал секреты тайм-менеджмента музыканта. А руководитель Нижегородского русского народного оркестра, профессор, Народный артист РФ В.А. Кузнецов и руководитель Оркестра баянов и аккордеонов, заведующий кафедрой народных инструментов, профессор Ю.Е. Гуревич демонстрировали секреты работы со своими коллективами.

Также прошли мастер-классы В.И. Голубничего, Г.В. Мамайкова, С.П. Малыхина, С.А. Озерова, А.В. Шалина, М.И. Немановой, Н.В. Власова и других преподавателей.

Каждый день фестиваля в Большом и Малом залах консерватории проходили праздничные концерты, в которых принимали участие студенты, выпускники и преподаватели факультета. Концертная программа была очень насыщенной: звучали произведения И. Гайдна, В.А. Моцарта, И. Альбениса, А. Пьяццоллы, М. Равеля, П. Чайковского, А. Шнитке и других композиторов.

Среди самых ярких страниц фестиваля — выступление Заслуженного артиста России, профессора Геннадия Васильевича Мамайкова. Он исполнил II и IV части Сонаты h-moll Н. Чайкина — первого крупного сочинения для баяна, пронизанного трагизмом военных лет.

Лауреат II Всемирного турнира Terem-Crossover ансамбль Style-Quartet порадовал публику своими стильными искромётными аранжировками. Неповторимый колорит каждого произведения, будь то ритмически-напористое «Болеро» или задорная «Барыня», не оставили слушателей равнодушными.

В исполнении Оркестра баянов и аккордеонов Нижегородской консерватории (худ. рук. и дирижер Юрий Гуревич) прозвучали произведения И. Гайдна, В. Холщевникова, А. Шнитке. В сочинении Х. Турина «В лавке башмачника» оркестр буквально «провел» музыкальную экскурсию по башмачной лавке, ярко проиллюстрировав всё, чем она богата.

Концерт для фортепиано и струнных А. Шнитке в переложении Ю. Гуревича, был мастерски исполнен оркестром совместно с лауреатом Всероссийского конкурса Р. Разгуляевым. Конфликтная медитативность музыкальных образов концерта в этой интерпретации значительно усилилось, благодаря насыщенному звучанию клавишных народных инструментов.

А наполненный светом «Карнавал» Э. Фертельмейстера из сюиты «В. Шекспир в иллюстрациях для симфонического оркестра» (переложение В. Сорожкина), который исполнил Оркестр народных инструментов ННГК под управлением

В. Кузнецова, придал заключительному концерту фестиваля искрометную праздничность.

Ю.Е. Гуревич: «Мы хотели сделать фестиваль максимально насыщенным. Наша задача — как можно более объемно представить нижегородскую исполнительскую школу игры на народных инструментах на том этапе, на котором она сейчас находится. Мне кажется, нам это удалось. И праздник под названием "55 лет факультету народных инструментов" останется в истории консерватории и в памяти его участников и слушателей надолго».

Искренне желаем факультету процветания, а преподавателям и студентам дальнейших творческих успехов!

Ольга Вишнякова

Опера «Руслан и Людмила» Глинки в контексте интерпретаций

В истории музыки не так много классических произведений, которые на протяжении всей своей истории сопровождаются полемикой. Среди них опера М.И. Глинки «Руслан и Людмила», которая за 165 лет жизни только на сцене Большого театра исполнялась свыше 700 раз.

Уже на самой премьере, как известно, царская семья ушла с пятого действия. Конечно, это не могло не сказаться и на мнении публики. Тем не менее, в первый сезон своего существования опера прошла в Петербурге 32 раза. Как же относились к этой опере современники Глинки? Прежде чем ответить на этот вопрос, обратимся к истокам.

Как известно, композитор начал работать над оперой в 1837 году, не имея еще готового либретто. Конечно, он надеялся на помощь Пушкина, но после смерти поэта Глинка был вынужден обращаться к поэтам-любителям, многие из которых были близкими друзьями композитора: Н.В. Кукольник, Н.А. Маркевич, В.Ф. Ширков. И всё же в опере сохранилось «перо» А.С. Пушкина, который создал первый образец эпической драматургии. Пушкин открыл волшебные путешествия в иные миры, у него «Руслан и Людмила» скорее шутливая, игривая юношеская поэма на тему русского сказа. Глинка, почувствовав внутреннее богатство поэмы, несколько изменяет ее текст, и избирает личный путь трактовки сюжета. Композитор придает наибольшее значение образам Востока, и обогащает образ древней Киевской Руси. И, пожалуй, самое главное — утверждает национально-патриотическую идею, и на этой основе создает новый жанр — русскую эпическую оперу.

Эпические открытия Глинки приняли далеко не все, в светском обществе: «Как длинно! Как скучно!» — воскликнул драматург, поэт и меломан Кукольник; «неперебродившее пиво!» — объявил великий живописец Брюллов после постановки оперы на сцене Большого театра в Петербурге 27 ноября (9 декабря) 1842 года.

А В. Одоевский, говоря об опере «Руслан и Людмила», выделил главное: «Это наша сказка, легенда, — но в музыкальном мире, искать здесь обыкновенной драмы напрасно: драма в фантастическом, сказочном мире имеет свои особенные условия».

Резко отличались мнения критиков В. Стасова и А. Серова. Стасов восторженно отзывался об опере «Руслан и Людмила»: «Опера эта есть создание в высшей степени самобытное, оригинальное и самостоятельное. Глинка есть Петр великий русской музыки. Как Петр великий задумал новую, самобытную, оригинальную, могучую Россию, так точно Глинка задумал новую русскую музыку для выражения самобытных, оригинальных, могучих и поэтических стремлений своего народа. Он создал новые формы, национальные и самобытные, открыл новые невиданные прежде горизонты – глубокоисторические. "Руслан" утвердился на русской сцене и уже навеки, как одно из высших музыкальных произведений всего мира и как наивысшее музыкальное создание на русской земле. Это народное произведение получило на нашей сцене обстановку вполне достойную, со всею историческою и художественною правдою, какая должна ему принадлежать, со всем блеском, роскошью и тщательностью, с каким ставятся в новой Европе пьесы Шекспира, Софокла, и других высочайших создателей».

Этому мнению противостоит оценка А.Н. Серова: «"Руслан и Людмила" — агрегат отдельных блистательно и гениально глубоких красот музыкальных, кое-как нанизанных на одно из жалких либретт в свете. Как опера, как "цельное" это произведение решительно неудавшееся, с многих сторон слабое, несмотря на всю гениальность музыкального размаха. Недостаток "Руслана" в совершенном отсутствии сценического интереса в целой опере и в каждой ее сцене. Все, что дается на сцене, должно быть — драма, живой драмати-

ческий организм, иначе и занавес поднимать не следует».

Эпическая картинно — контрастная драматургия «Руслана» не была понятна Серову. Он не обратил внимания на этические открытия произведения, но приветствовал «Ивана Сусанина» — опера покорила критика целеустремленным музыкально-драматическим развитием.

И мнение А.Д. Улыбышева по поводу оперы «Руслан и Людмила» было неоднозначным. С одной стороны, он восхищался музыкальными открытиями в опере и переносил на Глинку восторженную пушкинскую оценку музыки Моцарта: «Какая роскошь, и какая простота! Какая нега и какое целомудрие! Какая железная и какая воздушная легкость! Какая берлиозовская смелость, и какая моцартовская законченность!». Однако в записках Улыбышева читаем: «Я обещался написать статью о новой опере Глинки, которая далеко не так понравилась, как "Жизнь за царя", да и далеко отстала она от сей последней оперы в отношении драматического эффекта. Это будет для меня труд истинно трудный. А славный малый этот Глинка! Истинный артист и по таланту, и по душе. Любит покутить, как Моцарт, но зато, как и сей великий первообраз музыкантов, наш народный композитор ставит музыкальную совесть выше современного успеха. Вряд ли теперь найдется ему подобный в этом отношении, разве только в Германии, где тлетворный, грубо-чувственный и подло-меркантильный дух девятого на десять столетия не погасил еще, кажется, все прекрасное и высокое в груди человека». Но когда предпочтения высшего общества склонились на сторону А. Верстовского, наш критик высоко и точно оценил достижения Глинки: «Под его пером наша отечественная музыка в первый раз явилась достойной исторических судеб родного края и нравственного величия народа», — писал А. Улыбышев.

Если бегло проследить историю сценических интерпретаций оперы, опираясь на работы В.В. Стасова, то заметим, что в XIX веке режиссеры не стремились переосмыслить произведение, а, напротив, бережно сохраняли этические и эстетические открытия Глинки. «Период последних 25 лет XIX века, когда у нас, наконец, стали и желать, и уметь художественно и верно поставить на сцену русскую оперу, в особенности "Руслана". И тогда усилия эти дали самые превосходные результаты» — отмечал В.В. Стасов.

И в XX веке постановки оперы в столичных театрах отличались бережным отношением к традициям, красочным оформлением спектакля и великолепием балетных сцен, которые сделали успех оперы безусловным. «По изумительному богатству варьирования, обилию сказочных картин, по-разному освещаемых чудесами гармонии, игрой оркестровых красок, музыка "Руслана" не знает себе равных», — восторженно отзывался А. Кандинский. Значительным событием стала и постановка 1972 года, поскольку множество новых сценографических идей Б. Покровского естественно вытекали из музыки Глинки.

А в 2003 году состоялась юбилейная постановка оперы в концертном варианте. Она была задумана как научная реконструкция подлинной партитуры Глинки, воссозданной на основе прижизненной копии 1856 года и авторизированной рукописи, хранящейся в Государственной библиотеке Берлина. Аутентичное музыкальное решение (воссоздание оркестрового звучания 30-х годов XIX века, полный, без купюр, музыкальный текст оперы) критика восприняла с удовлетворением.

В 2011 году вновь возникла острая полемика вокруг оперы Глинки в связи с постановкой «Руслана» в Большом театре Дмитрием Черняковым. Интрига в том, что режиссер, стремясь показать драму современного мира, сознательно пренебрег смысловыми и жанровыми открытиями классической оперы — её этической и эпической сутью. И остро встал вопрос о том, что же является критерием допустимого в интерпретации классического наследия? Ответ, казалось бы, очевиден — в любых исполнительских интерпретациях нельзя не считаться с художественно-стилевыми особенностями классического наследия: в нем «живет» время, в них — душа автора, его идеи.

Однако трактовка Д. Чернякова полностью противоречит опере М.И. Глинки. Режиссер превращает волшебную сказку в современное «шоу»: на княжеском пиру мелькает оператор, запечатлевая вечеринку со стриптизом, наркоманией, пьянством. Постмодернистское осно-

Кадр из оперы «Руслан и Людмила» постановка Д. Чернякова

лочное смешение времен, эклектика костюмов (боярские платья, шубы, современные джинсы и пуховики XXI века), абсурдные декорации (салон, где Людмиле делают тайский массаж) — в результате этические образы Пушкина и Глинки подменились «грубой чувственностью и подло-меркантильным духом» (скажем словами А. Улыбышева). У зрителей возник закономерный вопрос: зачем смешивать противоположные «миры» — классическая музыка явно сопротивляется режиссерскому насилию, втискивающему ее в чуждых персонажей? В чем цель такой постановки?

Понятно, что у постмодерна есть своя «правда» о мире. И Д. Черняков, ориентируясь на постмодернистский хаос и «свалку», где правит бездуховность, целенаправленно рушит нравственные опоры классической гармонии мира в опере. Он со своей задачей вполне справился: эффект подмены высокого — низменным оказался максимальным, воплощением некропоэтики постмодерна, его уродливым детищем. Но, признавая экспериментаторскую дерзость постановщика, уточним: его решение в корне противоречит принципу стилевой созвучности интерпретации художественному первоисточнику и превращает данную трактовку в режиссерский произвол.

О проблемах современного общества, безусловно, надо говорить. Но здесь вопрос о другом: допустимо ли навязывать классической музыке постмодернистские идеи и потребительски пользоваться национальным культурным наследием, растаскивая и снижая его ценность до уровня эклектичного примитива, с тем, чтобы гротескно множить негатив современности? Полистилистика, возникающая тут на уровне противостояния музыки и сценического содержания, целенаправлена на дискредитацию самой классической идеи в искусстве и в жизни. А что же взамен? Зная, что нынешние поколения вряд ли могут гордиться собственной высокой культурой, не кощунство ли отнимать у них «последний шанс» — истинно ценное, что оставлено в наследие русскими классиками?

Подобная режиссерская «игра в бисер» не безобидна для культуры: подмена высокого искусства гламурным суррогатом грозит стереть первоисточник в сознании широкой публики — ведь большинство россиян не имеет возможности видеть оперу в подлинном виде. И, если подобная затея получит широкое распространение, то «мода» на потребительское присвоение «чужого слова» способна равнодушно уничтожить не один классический шедевр и превратить наше наследие в «шагреневую кожу».

Кадр из оперы «Руслан и Людмила» постановка Д. Чернякова

Красота, вероятно, способна «спасти мир» (вопрошал Ф.М. Достоевский), она способна нравственно преобразовывать наши души, охватывая их восторгом духовного просветления (утверждал Н. Бердяев), но при условии — в нашем обществе не произойдет девальвации ее духовно-нравственной ценности. А эту проблему — сохранения красоты — решать выпало нам, и решать сегодня.

Понятно, что у музыкантов, особенно у мастеров оперной сцены, возникло стремление защитить музыкальное наследие — множество критических откликов появилось в прессе по поводу постановки Д. Чернякова. И в одном из них (интервью для МТРК «Мир») Народная артистка СССР Елена Образцова с горечью воскликнула: «Напишите новую оперу и ставьте ее хоть вверх ногами. Классику не надо искажать!»

Наметившийся потребительский путь «проедания» культуры, эгоистичного приспособления ее для своих «нужд» сродни циничному плагиату соцреализма. Вспомним историю: в 20–30-е годы прошлого века «Тоска» безнаказанно «интерпретировалась» политизированным пролеткультом (ее героиня умирала на наших революционных баррикадах), а «Жизнь за царя» в 1938 году превратилась в фольклорно-героического «Ивана Сусанина», и по сей день в этой версии опера сохраняется во многих российских театрах…

Классика требует не только самого глубокого и осторожного подхода, размышления и понимания, но и, как выяснилось, нуждается в защите от разнообразных горе-интерпретаторов: непрошенных популяризаторов, растаскивающих шедевры на ремейки, от исполнителей-«спортсменов», выхолащивающих душу музыки «скоростными» техническими рекордами, и от других «соавторов», приспосабливающих классику под себя.

Лидия Птушко, Виолетта Сорокина

Чтобы что-то изменить

Хоровая, до боли русская, музыка А.Т. Гречанинова, а в особенности его духовные хоры, не могут оставить равнодушным. Вслушайтесь в эти подлинно древние напевы, терпкие гармонии, усиленные до предела ладовые тяготения, глубокие басы, фактурную насыщенность звучания. Всё это поднимает из глубин души такие чувства, которые в обычной жизни человек редко испытывает: разрывающий сердце восторг, невыносимую тоску, безбрежный покой…

Исполнение музыки Гречанинова — трудная задача. И дело вовсе не в технических деталях. Его музыка проникнута глубокой эмоциональностью. Композитор раскрывает поэзию Е. Баратынского, А. Толстого, Н. Некрасова, воспевающую изменчивую красоту русской природы и противоречивые человеческие чувства, с необыкновенной любовью, силой и вниманием к деталям.

Замереть на время, насладиться мгновением... Сейчас нам больше, чем когда-либо, не хватает спокойствия. Трудно отвлечься от рабочей суматохи, забыть всё и полностью отдаться музыке.

21-го ноября на сцене Большого зала консерватории в исполнении Муниципального камерного хора «Нижний Новгород» и Смешанного хора ННГК под руководством И. Стольникова и Б. Маркуса звучали светские и духовные хоры А. Гречанинова: «К Богородице прилежно», «Осень», «На заре» и другие, а также «Демественная литургия» для хора и солистов в сопровождении фортепиано.

Мощные, полнозвучные кульминации, бережное внимание к тонкостям агогики и нюансировки, прозрачное пиано, динамическая логика. Всё было исполнено профессионально и технически грамотно, но создалось ощущение, что коллектив, собранный из двух хоров, не состоялся. В чём же дело? За ответами мы обратились к Н.И. Покровскому и В.А. Куржавскому.

Н.И. Покровский: «Во-первых, концерт целиком посвящен музыке одного композитора. И хору, который весь вечер стоит на сцене, выдержать это очень трудно. Во-вторых, два очень хороших коллектива объединились в один. У каждого из них всё-таки своё лицо, своя манера пения. И в какие-то моменты это было слышно. Однако всё это можно сбросить со счетов, потому что мы услышали настоящее звучание большого хорошего хора. А насчёт того, что есть какие-то недочёты… Тот, кто приходит на концерт искать недочёты, пусть накапливает негатив, это его право.»

В.А. Куржавский: «Впечатления разные. Надо сказать, что концерт очень важный, прошёл в юбилейную дату Гречанинова. И состоял он, по нашим представлениям, из хрестоматийных произведений, которые практически не исполняются. Важно уже то, что произведения прозвучали. Но для такой программы, для которой, к тому же, объединены два хора, репетиций было слишком мало. В этих произведениях очень много тонкостей, которые зависят, в том числе, и от количества репетиций. И.М. Стольников — человек талантливый и знает, как это можно было бы сделать. Одни сочинения звучали более, другие — менее содержательно. Такие миниатюры, как «Нас веселит ручей» или «Над неприступной крутизною» требуют очень тонкого исполнения. На мой взгляд, лучше получились духовные произведения: «Вечери Твоея тайныя» (Из «Седьмицы…) и «Богородице прилежно», хотя это очень сложное произведение, которое требует музыкантской зрелости. В целом впечатление положительное. Литургию я не слышал, но не очень приветствую исполнение под рояль, раз написана она для симфонического оркестра и органа».

Сводный хор студентов консерватории и Муниципального камерного хора «Нижний Новгород» дир. И. Стольников

Осталось ли впечатление от концерта? Осталось и, несомненно, сильное. Но могло ли оно быть ярче? Могло. За конечный результат отвечает множество людей и обстоятельств. Но как жаль, что такая прекрасная музыка была исполнена не на том высококлассном уровне, который мы вправе были ожидать от столь профессиональных коллективов, что произошло в силу совершенно рядовых причин…

Валерия Бражникова

"Одиссея" Андрея Михайловича Седова

Вот уже более тридцати лет кафедрой сольного пения Нижегородской консерватории заведует профессор, Заслуженный деятель искусств РФ, Заслуженный артист Республики Бурятия, обладатель ордена «Знак почета», кавалер ордена «Дружбы» Андрей Михайлович Седов. В этом году ему исполнилось 85 лет. Но, несмотря на свой возраст, он бодрым и уверенным шагом входит в свой кабинет и щедро «отдает себя» ученикам.

А.М. Седов

— В Вашей семье не было профессиональных музыкантов. Кто привил любовь к музыке?

— Мой дедушка обладал хорошим баритоном, а мама — меццо-сопрано. Отец любил петь, у него был очень громкий голос. Кроме того, в то время в школах были хоры и музыкальные занятия проводились на очень хорошем уровне. Так во 2 классе я уже пел на концерте.

Во время войны мы жили в Сталинградской области. И в разбомбленном Сталинграде в 1944 году, несмотря ни на что, проходил областной конкурс. Там я получил диплом и отрез ткани на костюм. Отрез этот нам выдали через три года, когда я уже вырос, и из него сшили только пиджак, на брюки не хватило (смеется). Когда вернулись в Саратов, судьба привела меня во Дворец пионеров, где ставили детскую оперу А. Котилко «Сказка о мертвой царевне». В ней я исполнил партии Царя и Ветра.

— Вы ведь учились на историческом факультете университета? Когда Вы поняли, что хотите сменить профессию?

— Я всю жизнь мечтал быть моряком. В 1944-м поступал в Баку в военно-морское подготовительное училище. Не приняли по состоянию здоровья. На следующий год приехал в Горький. Там тоже не приняли. Морская стезя не получилась, и я поехал поступать в Ленинградский университет на исторический факультет. Меня интересовал театр, а там как раз изучали историю искусств. Когда поступил, оказалась, что помимо театра здесь преподают ещё и архитектуру, и графику, которые меня совершенно не интересовали. Одновременно поступил в музыкальное училище при Ленинградской консерватории к Е.Г. Ольховскому. Год я проучился, а он говорит: «Будем поступать в консерваторию». И, буквально, заставил меня поступать.

— В консерватории Вы учились у него же?

— Да. Заслуженный артист РСФСР Е.Г. Ольховский был замечательным учителем и многогранным, эрудированным человеком. В опере он пел 35 лет, и 20 лет в Мариинском театре. В некоторых операх даже был партнером Ф.И. Шаляпина! Первым делом Евгений Григорьевич обращал внимание на смысл исполнения. Он говорил «хочу правды!». «Письмо с адресом» — это у него была высшая похвала.

Кроме Ольховского я учился у замечательной камерной певицы З.П. Лодий. Она впервые организовала кафедры камерного пения в Московской и Ленинградской консерваториях.

Спел я однажды «Серенаду Дон Жуана» П. Чайковского, а она говорит: «Андрюша, вы понимаете, я не видела у Вас ни плаща, ни шпаги». Воплощение художественного образа было для неё главным критерием.

З.П. Лодий, несмотря на то, что была горбатенькая, имела потрясающий успех у публики. Голос ее сравнивали со скрипкой Страдивари. Она была не просто певицей, а артисткой высочайшей пробы.

— А как в то время жила Ленинградская консерватория?

— Дело в том, что ни одна консерватория не имеет таких возможностей, как Ленинградская. При ней есть своя оперная студия. Спектакли шли каждый день, а в субботу и в воскресение сразу по два. В первый раз я выступил, когда учился на втором курсе. Я спел всего три слова «арестовать мы вас должны». После было еще 10 или 11 партий, в том числе Онегин, Фигаро, Олег Кошевой из «Молодой гвардии». Последнюю оперу в Малом оперном театре ставил тот же режиссер, что и в Студии. У них заболел один из исполнителей, и меня попросили выручить. А в качестве приглашенного артиста там выступал Б. Гмыря. И мне посчастливилось спеть вместе с ним.

После окончания консерватории дирижер театра обещал мне дебют, но не сложилось. Я опять простудился. Мне порекомендовали поехать в Новосибирск, мол, для моего здоровья будет лучше сибирский климат. Новосибирский театр

был в то время самым большим периферийным театром в Союзе. Там я проработал три сезона и после скоропостижной кончины мамы вернулся в Ленинград в родную оперную студию.

— А как получилось, что Вы попали в Мариинский театр?

— Всегда есть какой-то «случай». Иду я както по Невскому проспекту, навстречу — главный дирижер Мариинского театра Э. Грикуров. «О, Андрюша, мне как раз нужен баритон». Оказалось, что Кировский театр, так тогда назывался Мариинский, готовил спектакль Т. Хренникова «Мать», по повести Горького. Он говорит: «Ты можешь быстро выучить партию Павла Власова?», я говорю: «За сколько? За 10 дней нормально?». На 10-ый день я сдал партии. Мне тогда было 26 лет. Хожу по театру, ног под собой не чую — тут Шаляпин гримировался, другие знаменитые певцы. Дальше Э. Грикуров предложил мне выбрать любую партию. Но осенью я опять простудился. Начал распеваться, а у меня верхний регистр не отвечает.

Однажды раздался звонок из Улан-Удэ. Звонит мой друг по оперной студии Л. Линховойн, говорит: «Нам нужен баритон». Говорю: «Согласен, а жену мою возьмете? Она сопрано». В Улан-Удэ я очень быстро освоился. Кроме того репертуара, что у меня был, я спел Демона, Эскамильо, графа ди Луна, и даже две оперетточные партии — Барона из «Цыганского барона» И. Штрауса и Андрея из «Холомки» Н. Стрельникова. В Улан-Удэ я получил звание Заслуженного артиста Бурятской республики.

— А как Вы оказались на педагогическом поприще?

— В Улан-Удэ у меня произошёл такой случай. Идет спектакль «Фауст», он мне очень нравился, у меня удачно получалась партия Валентина. Выхожу на сцену, пою: «О, светлый ангел, дорогая сестра, портрет твой драгоце…» Оп! А ноты нет. Идет спектакль, оркестр, публика, полный зал. Смотрю на дирижера, он не обращает внимания. Дальше пою, рот открываю, а сам не слышу верхних нот. Смотрю на публику и ничего не могу понять. У меня голоса нет, а публика одобряет. Хорошо, что на спектакле была супруга. Она пришла в гримерную и говорит: «Ну что ты так смотришь? Все хорошо». «Как хорошо? Ни одна верхняя нота не звучала!». Оказывает, у меня появились полипы, и от этого были потеряны привычные ощущения. Раз за разом мне их удаляли, а они снова появились. Звоню своему профессору Е. Ольховскому. А он и говорит: «Всё, будешь поступать в аспирантуру на заочное. Переходи на педагогическую работу».

В Новосибирской консерватории я проработал 10 лет — сначала в качестве педагога, потом меня назначили деканом, а позже проректором по учебной и научной работе.

— Как получилось, что Вы переехали в Нижний Новгород?

В Горький меня пригласила заведующая вокальной кафедрой консерватории Е.К. Иофель. Из Новосибирска меня сначала не отпускали, но через 2 года, в 1976, я все-таки переехал. У меня была большая концертная работа. Я очень много сотрудничал с нижегородскими композиторами, весь Советский Союз объездил с их произведениями. Работал в филармонии, выступал с симфоническим оркестром и оркестром народных инструментов В. Кузнецова. Два года был просто преподавателем, а с 1978 стал заведовать кафедрой. Вот такая моя «Одиссея».

— Расскажите, пожалуйста, о педагогических принципах, которым Вы следуете в своей работе с учениками?

— Главные особенности Ленинградской школы: ровный голос, естественность, обязательно артистизм, наполненность исполнения смыслом, а не просто «голый» звук. С точки зрения технологии — пение на «опоре». Самым большим моим достижением я считаю то, что двое моих выпускников — В. Ванеев, солист Мариинского театра, и Д. Карпов, солист Михайловского театра — являются преподавателями Петербургской консерватории.

— А насколько важен тандем вокалиста и концертмейстера?

— Это же очень важно! У меня была замечательная концертмейстер Е. Баранова. Тонкий музыкант. Там две ноты вступления к «Оде Сафо», но вот как она их играла… (вдохновенно поёт: «С темного куста рвал я ночью розы...»)

Однажды я согласился дать концерт в Новосибирской филармонии, хотя чувствовал себя не очень хорошо. Я еще тогда мальчишкой был. Еду в автобусе на концерт, думаю: «Зачем согласился, что за характер такой слабый?» А у меня был замечательный концертмейстер Т.Л. Поляков. Он перед концертом говорит: «Ну что, дадим темпик?». А я тогда пел Каватину Фигаро из «Севильского цирюльника». Думаю, какой там «темпик», мне бы спеть. И он так «зажег»! Я спел, как никогда не пел! Вот что значит партнер, вот что значит «жилка» музыкальная, темперамент.

— Вы пели не только оперные партии, но и камерную музыку. Что Вам ближе?

— Вы знаете, наверное, мне ближе камерное пение. У меня очень большой камерный репертуар. Смотрел свои концертные программы — очень много романсов! Там произведения Брамса,

Вагнера, Шумана, Шуберта и, конечно, русских, советских композиторов.

По молодости мне опера нравилась. Но дело в том, что состояние моего здоровья не позволило много петь в опере, ведь там все время надо быть физически здоровым и как следует выкладываться, а в камерном репертуаре можно «экономить» голос.

— Как вы думаете, каждый владеет актерским мастерством?

— Нет, не каждый.

— Научиться этому можно?

— Нет. Это от природы всё.

— Должен быть талант?

— Скорее не талант, а способности. Талант — это уже что-то большее. Огромное значение имеет опыт.

— А что Вам интересно помимо музыки?

— Очень люблю литературу. Моя мама до войны работала в библиотеке Саратовского университета. И я рано начал читать. Это очень повлияло на эмоциональность. А как без эмоций в музыке?

— У Вас есть любимый писатель?

— Очень люблю Дюма. Каждый год перечитываю «Трех мушкетеров», «Графа Монте Кристо». Люблю детективы Д. Френсиса. Меня так захватывает, что потом долго не могу уснуть (смеется). Из русских, конечно, Пушкин, я его просто боготворю. Удивляюсь колоссальной работоспособности Александра Сергеевича. Это что-то невероятное!

Раньше любил Толстого, сейчас — Чехова. Я его много читаю.

— Вам не кажется, что можно сравнить Толстого с оперой, а Чехова с камерной музыкой?

— Да, да, да. Точно! (Улыбается).

Андрея Михайловича Седова поздравляют его ученики и коллеги:

Е. Марченко (студентка 3 курса): «Прежде всего, Андрей Михайлович — человек с большой выдержкой, ведь у студента и педагога бывают разногласия во мнениях. И, кроме того, он очень интеллигентный человек, что для нашего времени большая редкость. Хочется пожелать Андрею Михайловичу крепкого здоровья и терпения!».

Д. Белянский (студент 1 курса): «Я совсем недавно учусь у Андрея Михайловича, но под его педагогическим началом уже многого достиг. Он очень доброжелательный, от него исходит большая душевная теплота. Слова благодарности Андрею Михайловичу, за то, что он у нас есть, что он учит и воспитывает нас, своих учеников. Желаю ему большущего здоровья!»

Г.Л. Крещук (концертмейстер класса А.М. Седова с 1976 г.): «Андрей Михайлович — потрясающий музыкант. Если он что-то показывает, то это всегда идеальное исполнение по фразировке, по стилю. У него интуитивная музыкальность! Что ещё очень ценно, при его колоссальном опыте, потрясающем вокальном слухе, он — сомневается. А также с большим вниманием относиться к чужому мнению.

В классе Андрея Михайловича всегда царит комфортная обстановка. Мне очень нравится, как он работает со студентами. У него индивидуальный подход к каждому, может повторять некоторые вещи много раз, при этом не теряя терпения.

Я хочу поздравить Андрея Михайловича с юбилеем! Дай Бог ему здоровья и хороших учеников!»

Беседовала Наталья Никулина

Со «свежестью первой любви»

Татьяна Борисовна Сиднева — проректор по научной работе, заведующая кафедрой философии и эстетики, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, а в целом — человек, на котором в консерватории держится музыкальная наука.

Т.Б. Сиднева

— Татьяна Борисовна, Вы любите свою работу?

— С консерваторией связана наибольшая часть моей жизни, проректором по научной работе являюсь более 17 лет, заведующей кафедрой — 22 года... Все пять лет обучения в консерватории была ответственной за шефскую работу в школах, вузах, больницах, на заводах города. От родного вуза «отвлеклась» только для учебы в аспирантуре Ленинградского института театра, музыки и кинематографии, а все остальное время проходит в Alma Mater (даже старшего сына родила в аспирантуре, младшего — в период летнего отпуска!). Наверное, Ваш вопрос подобен тому, как если бы спросили «любите ли Вы дышать?»

— Вы представляетесь человеком увлекающимся. Это так?

— Согласна, если увлеченность понимать как заинтересованность, душевный подъем. Обстоятельства почти всегда складывались так, что только увлеченность и позволяла преодолевать любые невзгоды и трудности.

— Кто повлиял на Вас, на Ваше становление? Кому Вам хотелось бы сказать «спасибо»?

— Мне есть кому сказать слова благодарности. Это, прежде всего, родители — Анна Андреевна и Борис Алексеевич, педагоги, давшие пример сверхответственности, целеустремленности и невероятной работоспособности.

В городе Лукоянове Горьковской области, где я родилась и прожила первые 15 лет, были те, кто сыграл особенную роль в моей судьбе.

Александр Иванович Пох, живший неподалеку от нас одинокий пожилой человек, немец, имевший уникальную библиотеку (хранившуюся в старинных сундуках его ветхого деревянного дома — тогда мне было непонятно, почему). Ф. Ницше, Вл. Соловьев, Д. Мережковский, «Вехи», «Из глубины» и многое другое стало мне известно благодаря А.И. Поху.

Мой первый педагог в ДМШ Виктор Иванович Алексеев, обучаясь у которого, уже в первом классе я уверенно заявила: «буду поступать в консерваторию», чем вызывала улыбки и даже смех: в нашем городке это вероятно звучало как «буду космонавтом».

В Арзамасском музыкальном училище также здорово повезло: преподавателями были студенты и выпускники Горьковской консерватории, которые приезжали к нам и давали не только настоящие профессиональные знания, но и заряжали нас энтузиазмом, преданностью музыке. Ефим Исаакович Хазин, Алла Алексеевна Евдокимова, Наталья Николаевна Агеева... Молодые, талантливые, увлеченные. Своим обликом они внушали большое желание учиться.

Среди тех, кто также повлиял на мое становление, — ребята нашего курса. Они имели очень разный уровень теоретической подготовки, и часто просили меня помочь что-то объяснить. Характерной была картина: перед сессией в класс набивается человек сорок, и я «репетиторствую»... И сейчас, когда встречаемся, они называют меня «наша учительница».

Говоря о консерватории, еще труднее назвать тех, к кому хочется обратиться со словами благодарности. Не хватит и двух журналов. Среди дорогих мне наставников — Владимир Михайлович Цендровский, Тамара Николаевна Левая. С годами еще больше понимаешь, что держишься на плечах учителей, что важно помнить свое «происхождение», «почву». И конкретным смыслом наполняются лихачевские слова: «Культура это память».

— Что значила для Вас защита докторской?

— Это очень важный этап моей жизни. Шла к нему много лет. Сейчас думаю, «а нужно ли так серьезно было относиться к докторской?» и понимаю, что «да». Важно, чтобы не было стыдно потом ни за один абзац. М.С. Каган, известный петербургский ученый, помню, призывал: «Дописывай, пока мальчишки в школу не пошли…» А защитилась много лет спустя. Дети, самые строгие мои судьи (уже выпускники университета и аспирантуры), присутствовали на защите. Оценили. Защита диссертации — это еще и обязанность — перед близкими, учителями, наукой. Когда сообщили, что Президиум ВАК дал высшую оценку диссертации, я это восприняла как ответ дорогим мне людям.

— Несмотря на высокий уровень напряженности и ответственности Вашей работы, Вас нередко можно встретить на концертах в зрительном зале. Могли бы Вы назвать самое сильное художественное впечатление, испытанное Вами за последнее время?

— Уходящий год (особенно его вторая половина) очень богат на музыкальные события.

Среди недавних ярких впечатлений — открытие фестиваля «Гармония и мир» 12 декабря в акустически прекрасном Рахманиновском зале Московской консерватории, где очень достойно выступал камерный хор «Нижний Новгород». Были исполнены сочинения С. Терханова, С. Смирнова, по-новому прозвучал недавно созданный цикл Л. Панкратова «Inoe».

Избалованная московская публика очень тепло принимала нижегородцев, с интересом слушала наших авторов. Выступавший во втором отделении хор студентов Московской консерватории (вдвое превосходящий наш коллектив по количеству) с блеском подтвердил праздничность и торжественность атмосферы открытия фестиваля. В составе студенческого хора видела победителей наших олимпиад...

— С каким девизом Вы шагаете по жизни?

— Жизнь — поток, полный сюрпризов и неожиданностей. Вы только представьте: не отрепетируешь, ни черновик не напишешь! В этой ситуации — чем бы ни приходилось заниматься, я стараюсь находить удовольствие в любой работе. И еще. Г. Нейгауз призывал пианистов к каждому исполнению относиться со «свежестью первой любви». Свежесть первой любви необходима и в жизни в целом, в любых начинаниях.

Беседовала Ольга Капустян

Светлана Виноградова. Профессия — концертмейстер

У профессора кафедры концертмейстерского мастерства, дипломанта международных и Всероссийских конкурсов, лауреата премии Всероссийского музыкального общества Светланы Владимировны Виноградовой — юбилей! Выпускница Нижегородской консерватории она осталась верна своей Alma mater. За годы работы Светлана Владимировна выпустила более 200 учеников, ее концертмейстерский репертуар огромен.

С.В. Виноградова

— Светлана Владимировна, когда в Вашей жизни появилась музыка?

— Я родилась в музыкальной семье. Мой батюшка был разносторонне образованным человеком. Окончил курсы по теории музыки, курсы дирижирования, Психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева, получив специальность психиатра. У нас был рояль, на котором он любил играть клавиры, постоянно звучали пластинки. И мне кажется, музыка вокруг меня звучала всегда. Никто не подталкивал четырехлетнюю девочку к роялю, не заставлял играть. Все произошло естественно.

— Вашим педагогом в консерватории была Софья Валериановна Полякова. Какое влияние на Вас оказала встреча с ней?

— Софья Валериановна отличалась невероятной верой в студента, в его способности и возможности. В ней было важнейшее качество педагога — поддержать человеческую и творческую индивидуальность ученика. На уроках она буквально горела. Мне это очень нравилось. Видимо темперамент у нас совпадал. Софья Валериановна была достаточно дотошна, но это не носило характер нравоучений. Никакой занудности. Представитель старой школы, она знала как надо играть, и как сделать, чтобы хорошо играть. К сожалению, больше такого педагога в своей жизни я не встретила.

— Расскажите про студенческие годы в консерватории.

— Мои студенческие годы в консерватории были заняты только специальностью. Я играла такие произведения, которые сейчас не играют вообще. А выпускалась из консерватории с такой программой, с которой, не знаю, заканчивает ли кто сейчас. Концертмейстерство меня, если честно, нисколько не интересовало. Я вообще особо этим не занималась.

— Тогда почему в аспирантуру Вы поступили по специальности «Концертмейстерское мастерство»?

— Окончив консерваторию с красным дипломом, я одна имела направление в сольную аспирантуру. Но по причинам, от меня не зависящим, я поступать не стала и пошла работать концертмейстером сначала на струнную, затем на вокальную кафедру. Проработала семь лет, а когда мне предложили место в аспирантуре о сольной специальности речь уже не шла.

— Как, по-Вашему, может ли пианист быть одновременно и выдающимся солистом, и выдающимся концертмейстером? Есть ли такие примеры в истории?

— Если пианист — настоящий музыкант, то качества солиста ему пойдут только на пользу. Потому что, как правило, солисты обладают прекрасным интонационным, гармоническим слухом и техникой. Это дает возможность выступать с любыми солистами, даже с певцами. Работать с певцами — это высший пилотаж. Сейчас нет высокопрофессиональных вокальных концертмейстеров, какие были раньше. Старики уходят — молодые их школу не очень перенимают.

Примеры в истории встречаются, хотя и не так часто. Например, С. Рахманинов – Ф. Шаляпин. Есть потрясающая запись, где С. Рахманинов аккомпанирует Н. Плевицкой свою обработку песни «Белилицы-румяницы вы мои». То, что он делает, это фантастика! И, тем не менее, он остается Рахманиновым. Дальше, С. Рихтер – Н. Дорлиак, С. Рихтер – Д. Фишер-Дискау… Эта специальность существует, пока есть имена больших камерных певцов, которые, увы, уходят.

— Вокальные солисты или инструментальные — для концертмейстера различия сильно ощутимы?

— Вокальный аккомпанемент для концертмейстеров — катастрофа! У нас разная природа звукоизвлечения. К сожалению, рояль наши пианисты воспринимают как ударный инструмент, а не поющий со струнами, а вокал — просто как сопровождение. Хорошо, если текст итальянский, где публика ничего не поймет. А если это русские романсы или русские арии, где певица хорошо преподносит

содержание, фразы? Пианист должен научиться играть слова, текст. А как? Это уже большой секрет!

— Встречаются ли сложности у Ваших студентов в установлении контакта с иллюстратором? Как тут быть?

— Тут дело не в контакте, как таковом. Мы же делаем общую работу. Итог работы будет зависеть от двух человек. Должна заметить, каких-либо конфликтов у меня в классе не наблюдается. Нужно сразу научить студента уважать солиста. У меня в классе работают совершенно чудные иллюстраторы: Эльвира Баталова, Анна Литвин, Иван Мутузкин, Мария Садовникова. Это люди уже с именами, опытом, огромным репертуаром. Какой может быть конфликт? Только если в трактовке. Я выступаю в данном случае как арбитр — выслушиваю обе стороны. И мы приходим к компромиссу. Потому что он в таком сотрудничестве временами даже необходим. Не бывает, что каждая сторона права на 100 процентов. Истина где-то посередине. Необходимо третье ухо. В театре же зачем-то существует режиссер?!

— Каким Вы видите современное концертмейстерство?

— Что значит «современное концертмейстерство»? Разве Чайковский переписал романсы?! Текст остался текстом. Другое дело, что сейчас музыканты не умеют расшифровывать текст. А как надо аккомпанировать «современную музыку», понятия не имею. По-моему, все то же самое. Понимаете, принципы школы остаются одни и те же. Главное, вслушивание. Правое ухо должно быть развито невероятно. Те, кто могут играть — естественно мнят себя солистами. Ну и, слава Богу! Пусть они развиваются как солисты. Если человек музыкант, он будет и солистом, и концертмейстером. Другое дело, этому нужно много учиться. Среди моих выпускников я могу выделить: Владимира Исаева, Ирину Леопу, Ребекку Магомедову.

— А каков Ваш подход к урокам? Какими чертами, на Ваш взгляд, должен обладать концертмейстер?

— Вопрос сложный. Повторюсь, сейчас редкий студент может расшифровать текст. Он берет ноты: белый лист бумаги, на нем черные значки — своего рода код, который нужно расшифровать, чтобы получилась живая музыка. На это внимание часто не обращают. А ведь иначе исполнение не состоится. Если человек безграмотно играет, то о чем, вообще, говорить?! В словаре написано коротко и ясно: «Концертмейстер — пианист-аккомпаниатор, руководящий исполнителями для разучивания ими партий». А сейчас концертмейстер часто выносит на сцену свою работу. Какие качества у него должны быть? Во-первых, он должен быть оснащен хорошей техникой, как сольный пианист, потому что встречаются очень трудные произведения. Например, «Лесной царь» Шуберта — очень сложное сочинение, которое можно и за всю жизнь не сыграть. Концертмейстер должен обладать ансамблевым, интонационным, гармоническим и, на мой взгляд, тембральным слухом. А то, как же концертмейстер будет передавать на сцене тембры музыкальных инструментов?! Он должен знать не только произведение, которое играет в данный момент, а всю музыку этого композитора. Романсы Чайковского невозможно играть по-настоящему, если не знаешь его симфоническое творчество. Иначе это будет слезливость и ненужная сентиментальность. Важно понять, какая это была трагическая глыба, и что отразилось в данном романсе, какая грань высветилась здесь. Если играете импрессионистов, нужно смотреть живопись. Это визуально будет дополнять вашу фантазию.

— Есть ли секрет как достичь красивого звучания?

— Если б я это знала, у меня бы весь класс играл гениально, потому что секретов у меня от них нет. Техника зависит от количества просиженных часов. Хотя, сейчас вопрос техники не стоит. Играют с такой скоростью, что это напоминает соревнования — скачки с препятствиями, бег, что весьма далеко от музыки. А красоту звука забыли. Теперь мало кто понимает, что такое «красивое звучание». Идеал пропал. Сейчас так: если человек играет быстро, с чистой педалью, значит, он здорово играет! А о том, что на рояле можно волшебно звучать, забывается. А на это надо обращать внимание. А уж как это делает?! Кто как слышит. Повторюсь, рояль, к сожалению, воспринимается как ударный инструмент. Забывают, что у него длинные струны, которые надо заставить звучать.

— Вы долгое время параллельно работали на двух кафедрах: сольного пения и концертмейстерского мастерства. Было трудно совмещать?

— Скорее интересно. Хочу сказать большое спасибо Седову Андрею Михайловичу. В свое время он совершенно случайно пригласил меня на кафедру сольного пения. И в течение 20 лет я вела там камерное пение параллельно с преподаванием на кафедре концертмейстерства. Работа была не только интересная, но и полезна с профессиональной точки зрения. Пели много редчайших вокальных циклов, таких как «Лебединая песня» Шуберта, «Без солнца», «Песни и пляски смерти» Мусоргского, «Четыре строгих напева» Брамса... Было много музыки, концертных выступлений. Мы получали дипломы, вокалисты — лауреатства.

— Согласны ли Вы с тем, что, концертмейстером быть выгоднее, легче найти работу, солисты — народ штучный?

Я вас должна разочаровать. Концертмейстер — подневольный человек. Он работает в вокальных, народных, дирижерских классах, в театрах. Приходит, когда скажут, играет, что дадут. А может он не хочет это играть. Понимаете?! Но он должен делать это. Счастлив тот, кто работает как свободный художник. Но таких случаев мало. Концертмейстер должен все время искать компромисс с теми, с кем работает. В классе он мечется между педагогом и студентом. В этом смысле его роль незавидная, а спросу много: в театре — готовить партии с певцами-солистами, грамотно выстраивать фразы; в консерватории — выучивать программу так, чтобы не стыдно было играть на государственных экзаменах. Еще у одного концертмейстера, как правило, не один человек в классе, а значит и много программ. В первый год работы у меня было 12 струнников, а значит двенадцать концертов, двенадцать сонат, потом еще по ходу обучения появлялись какие-то пьесы. Но все-таки сейчас единственная востребованная профессия — это концертмейстер.

Преподаватели и студенты кафедры сердечно поздравляют Светлану Владимировну с юбилеем и желают ей творческого долголетия!

Беседовала Ксения Новикова

В.А. Куржавский в день своего 75-летия о войне, стихах и многом другом

Совсем недавно, 7 ноября 2014 года, профессор кафедры хорового дирижирования, Заслуженный деятель искусств России Виктор Алексеевич Куржавский отметил свой 75-летний юбилей. Мы неоднократно брали у маэстро интервью, где он подробно рассказывал о своей жизни: об учёбе в Горьковской хоровой капелле мальчиков, о Горьковской и Ленинградской консерваториях, где он постигал искусство хорового и оперно-симфонического дирижирования. На этот раз мы решили поговорить о том, что, возможно, осталось за кадром.

В.А. Куржавский

— Ваши первые годы жизни пришлись на начало войны. Что Вы помните? Расскажите, пожалуйста.

— Я родился в 1939 году и был девятым ребенком в семье. Нас было семеро мальчиков и две девочки. Мое детское впечатление о войне достаточно тяжелое. Всего не помню, а вот эпизодические, самые эмоциональные моменты остались в памяти.

Немцы подходили к Москве. И город Гжатск (ныне г. Гагарин Смоленской области, прим. ред.) мой любимый, который находится в 180 км от Москвы, как раз был у них на пути. Бои были самые жестокие. Наш старый дом, у которого все бревна были в трещинах, оккупировали немцы. И так случилось, что всю нашу семью увезли. Помнится, одна половина вагона, в котором мы ехали, была начинена снарядами, другую — занимали мы. Когда нас высадили в городе Бобруйске, случился жестокий налет. Мама прикрывала нас зеленым одеялом. Когда мы вернулись к вагону, состава уже не было. Все было разбито и исковеркано.

Глубоко засел в памяти момент, когда немцы с криком «Выходи» поставили нас к забору на расстрел. Но в это время налетели наши самолеты — и все кинулись в рассыпную: и немцы, и мы. Так повторялось трижды. С тех пор не могу смотреть, когда на меня направлен ствол даже игрушечного оружия.

Были и более страшные эпизоды. Играя с сыном хозяина в огороде, мы услышали, как к дому подходят немцы. Неподалеку стоял шифоньер, в который мы успели спрятаться, и немцы нас не заметили. Но они вывели брата мальчика и расстреляли при нас. Пули, летевшие в нашу сторону, прошибли шифоньер, но нас не задели. Немцы уволокли парня за ноги. А когда мы подбежали, увидели на земле капустный лист, который был полон крови.

— Как эти впечатления повлияли на Вашу дальнейшую жизнь?

— Во-первых, всё это помогает понять ценность человеческой жизни. Во-вторых, начинаешь острее чувствовать какие-то вещи в музыке, в искусстве.

— Расскажите, пожалуйста, о своих учителях. На кого Вы равнялись?

— В консерватории я учился у Е.Н. Гаркунова. Ещё в училище мы все мечтали о том, чтобы попасть к нему в класс. Его имя для нас очень много значило. На вступительных экзаменах я получил самый высокий бал, и Евгений Николаевич мне сказал: «Если хочешь учиться у меня, то пиши заявление». Е.Н. Гаркунов тогда заведовал кафедрой. Он был человеком очень высокой эрудиции, сын священника,

знал хорошо славянскую культуру, старославянские тексты, хотя тогда все это было запрещено. Он окончил Ленинградскую консерваторию, во время войны служил в Закавказском военном округе, был дирижером военного ансамбля.

Кроме того, я очень благодарен А.И. Сытову, преподавателю сольфеджио в Горьковской хоровой капелле. Ведь я стал заниматься музыкой в 11 лет, не зная ни нот, ни грамоты, нужно было догонять. Александр Иванович шел мне навстречу, много со мной занимался. Я ему каждый день приносил выполненные задания по сольфеджио.

И, конечно, учась в консерватории, я многое подчерпнул и у М.А. Саморуковой, несмотря на то, что формально не числился её учеником. Я много сидел у нее на уроках. Если есть возможность взять — бери. Вот это те имена, которые у меня оставили наиболее сильное впечатление.

— Помимо музыки, Вы, как известно, очень увлекаетесь другими видами искусства. И, к тому же, пишете стихи...

— Я не пишу стихи, я их плету. Бывает так, спонтанно. Будучи курсантом ракетного училища, куда я попал после окончания консерватории, я увлекся поэзией, особенно Тютчевым. Он так тонко слышит природу! Но я очень люблю именно читать стихи, читать вслух, находить в них музыку. Ещё люблю живопись. После поступления в Ленинградскую консерваторию я месяц ходил в Эрмитаж. Я тогда увлекался импрессионизмом. Особенно любил две картины Клода Моне из серии «Лондонских туманов».

— А каким Вы увидели Китай? Вы ведь совсем недавно там были...

— Я был во многих городах Китая: Гуйчжоу, Чанша, Тишоу, Лю Янь и Хайнянь. Стал там почетным профессором. Китай — удивительная страна. Там, например, за год строят шедевры. Так за год было построено здание театра. А здание филармонии примечательно тем, что там над сценой висят акустические чаши, которые позволяют менять акустику. Кроме того, китайцы очень много денег вкладывают в развитие детей. Каждый ребёнок у них обязательно занимается каким-либо видом искусства. Не поёшь — рисуешь, не рисуешь — играешь.

Вокзалы в Китае потрясающие, поезда только скоростные. В городах, в которых я побывал, я видел только три или четыре мотоцикла с бензиновым выхлопом. Весь транспорт работает на аккумуляторах — они борются за чистоту.

Гойчжоу вечером — это царство цвета. За миллисекунды меняется все и «плывет» над рекой. Жители здесь очень вежливые. В опере города Чанша тебя встретят, проводят, на место посадят, скажут «спасибо». Зал филармонии, где я дирижировал, был переполнен. Прием был очень теплый.

— А каковы Ваши впечатления от музыкальной культуры Китая?

— Оркестр, который я слушал в Гойджоу, великолепный. Залы потрясающие. Очень мне нравится музыка китайская. А они любят русскую музыку. «Амурские волны», «В землянке», «Калинку» готовы целыми днями петь.

— За годы педагогической деятельности, а это уже больше 50 лет, Вы выпустили очень многих талантливых дирижёров. Расскажите о них, пожалуйста. Кем Вы гордитесь?

— Моя гордость — Сергей Березовский, который создал Филармоническую хоровую капеллу «Ярославия». Могу назвать Лилию Афанасьеву, прекрасная была ученица. Сейчас она работает не в музыкальной сфере, но она создала хор. В Пензе руководит симфонической капеллой Владимир Каширский, прекрасный музыкант. Один из моих лучших учеников — Паша Герштейн, который возглавляет Костромской губернский симфонический оркестр.

Много талантливых выпускников выбрали педагогическую стезю. Так Володя Соболев преподаёт в Вологодском музыкальном колледже, Барсукова Наташа — заведующая отделением хорового дирижирования колледжа в Прокопьевске. Ирочка Стекольщикова — директор первой музыкальной школы в Нижнем Новгороде, а Марина Вьюк — директор третьей нижегородской музыкальной школы. Я рад, что у них в жизни всё складывается удачно. Для меня они как семья.

— А каким должен быть дирижёр?

— Есть такая фраза: «Ты должен быть первым среди равных». Нужно многое знать. Нужно изучить разные инструменты, чтобы ты мог говорить с музыкантами на их языке. В свое время я играл в симфоническом оркестре на контрабасе и на литаврах, играл на органе. Кроме того, необходим профессионализм именно дирижёрский, когда руки выражают то, что ты думаешь, чувствуешь. И, конечно, нужно уметь подчинять своей воле. А для этого — глубоко изучить произведение, чтобы твоё видение стало для исполнителей эталоном. Только так, и никак иначе.

— Что главное в жизни?

— Главное в жизни — это жизнь во всех ее проявлениях. Я стараюсь придерживаться credo: человек должен быть профессионален, духовно богат и физически здоров. А еще главное в жизни — это непрерывное познание того, что тебя окружает.

— Здоровья и счастья Вам, Виктор Алексеевич!

Беседовала Екатерина Евдокимова

Быть честным по отношению к себе и к людям

В этом году исполнилось 65 лет профессору кафедры народных инструментов Сергею Ивановичу Степанову. «Он с одной стороны очень строгий и объективный, а с другой — удивительно мягкий в душе и очень добрый человек», — говорит о нем профессор В.И. Голубничий. Сергей Иванович учился в Хоровой капелле им. Сивухина, Горьковском музыкальном училище, а за тем в Горьковской консерватории у выдающихся педагогов — М.А. Саморуковой и Е.Н. Гаркунова.

С.И. Степанов

— Сергей Иванович, чем Вам запомнилось обучение у М.А. Саморуковой?

— Маргарита Александровна — человек, который всю свою жизнь отдал музыке и своим студентам. Студенты боготворили ее. Она обладала колоссальными энциклопедическими знаниями. Помимо программы, положенной по учебному плану, в партитурах мы изучили практически всю европейскую и русскую классику. Благодаря Маргарите Александровне мы получили огромное количество практики. У неё был вокальный ансамбль в клубе им. Кринова, симфонический оркестр в детской музыкальной школе №8 им. Виллуана, в консерватории она организовала оркестр баянов и аккордеонов. И во всех этих коллективах её студенты проходили практику. Кроме того, Маргарита Александровна организовывала всевозможные хоровые конкурсы в общеобразовательных школах, и студенты ее класса и пели там, и дирижировали этими школьными хорами. В итоге её ученики могли общаться и с симфоническим оркестром, и с оркестром народных инструментов, с хоровыми и вокальными ансамблями.

— А как проходило Ваше обучение в классе Е.Н. Гаркунова?

— Евгений Николаевич — человек колоссальных знаний и умений. Он закончил Ленинградскую консерваторию по двум факультетам: как дирижер хора и как дирижер оркестра народных инструментов. И, кстати, сдавал государственный экзамен с оркестром им. В.В. Андреева. Гаркунов знал толк в народном исполнительстве. И я старался перенять умение общаться с этим коллективом. Конечно, он учил работать и с хоровыми коллективами, и с симфоническим оркестром. У студентов он пользовался таким же огромным авторитетом, что и Саморукова. Это были два человека, которые держали кафедру в своих руках и помогали студентам «воспарять к небесам».

— Чем, по Вашему мнению, отличается работа дирижера с симфоническим оркестром от работы с народным оркестром?

— Практически ничем. И там, и там люди. И это, прежде всего. Очень часто в оркестре народных инструментов играются переложения симфонических произведений. Музыка она везде музыка. Да, есть, конечно, колоссальная специфика у каждого из этих оркестров — это вполне естественно, и не может быть по-другому. Иногда бывает, что не знаешь каких-то специфических особенностей того или иного инструмента — тогда забираешься в книги или ловишь какого-нибудь оркестранта и у него выспрашиваешь. Приходится самому учиться всю жизнь, независимо от того, на каком инструменте и с каким оркестром ты играешь.

— А преподавание доставляет Вам удовольствие?

— Не знаю, как там, на счёт удовольствия, но, когда студент раскрывается у тебя прямо на уроке, это греет душу. Это дает тебе понять, что не зря ты его очень долго учил, давал какие-то определенные навыки. Это как последняя капля в стакане воды. Вдруг возникает тот момент, когда студент начинает понимать, что ты хочешь от него. И начинается работа уже на высшем уровне — работа с музыкой.

Достаточно много студентов, которые изначально не приспособлены к дирижированию. Кто-то может не владеть пространственным ощущением в движении рук, кто-то может быть зажатым человеком чисто психологически и не уметь общаться с большим коллективом. Но есть студенты, которые в течение нескольких лет раскрываются, как цветы. Выясняется, что он умеет и с оркестром общаться и технологически все

грамотно выполняет, и зажатость его не от неумения, а чисто психологическая. А технология — это не самое главное, главное понимать, для чего ты стоишь за пультом перед оркестрантами. Г. Рождественский говорил о так называемом «дирижерском императиве», т.е. дирижер — это император, он главный среди равных. Не только махнуть рукой в данный момент, а помочь им сыграть так, как написано композитором, передать им свое отношение к музыке — вот это самое главное для дирижера.

— В чем Вы видите миссию педагога консерватории?

— В консерваторию приходят уже достаточно грамотные студенты. Все-таки чему-то же их учили в колледже, а перед этим еще и в музыкальной школе. И задача консерваторского педагога, во-первых, — дать студенту почувствовать себя не школяром, а настоящим музыкантом. Это самое главное. Во-вторых, конечно, познакомить с огромным количеством музыки, что, на мой взгляд, влечёт за собой колоссальное развитие интеллекта, интуиции и какого-то особого отношения к жизни. Человек после окончания консерватории, должен ощущать связь жизни и музыки, живописи, литературы. Музыка должна быть у него в крови. Вот это самая главная задача педагога консерватории.

— Ваши ученики — ваши единомышленники?

— Да! Вот недавно прошел у меня юбилейный концерт. Приехали мои студенты, закончившие консерваторию и как исполнители, и как дирижеры оркестра народных инструментов, ставшие сейчас достаточно известными людьми в России. Это Александр Николаевич Чубаров — художественный руководитель и главный дирижер Вятского филармонического оркестра народных инструментов им. Шаляпина. Приехал из Казани Артем Александрович Усов, кандидат искусствоведения, работает в Казанской консерватории, преподает дирижирование. У него недавно был концерт в рамках фестиваля «25 лет газете "Музыкальное обозрение"» в Большом зале Казанской консерватории. Приехал художественный руководитель и главный дирижер Калининградского муниципального оркестра русских народных инструментов Андрей Степаненко. Я перечислил троих, а всего получили специализацию в моем классе 75 человек. Среди них и Ю.Е. Гуревич — зав. кафедрой народных инструментов, профессор, руководитель оркестра баянов и аккордеонов, и М.Ю. Котомин — профессор, композитор, домрист, дирижёр, концертирующие исполнители А. Козылов и К. Фиш, преподаватель, солист и аранжировщик Style-Quartet В. Пеунов.

75 человек — много это или мало, за 40 с лишним лет? То есть практически по 2 человека в год. Я доволен этим результатом, и доволен тем, что многие мои выпускники стали продолжателями дирижерской традиции, несмотря на то, что они могли бы быть и инструменталистами. Вот это самая главная моя радость, что я все-таки сумел вселить в них «микроб дирижирования», сумел научить их самому главному в этой профессии — правильному, человеческому общению с людьми.

— В течение 10 лет Вы работали деканом. Эта работа была близка Вам?

— Работа декана — это, конечно, административная работа, но это не работа с бумагами, приказами, это, опять-таки, продолжение той профессии, которой меня всю жизнь учили — работе с людьми. Умение найти общий язык и с педагогами, которые иногда приходили с возмущением и которых каким-то образом надо было приводить в чувства, и работа со студентами, которые, несмотря на свой уже достаточно взрослый возраст — 20–23 года — все-равно ещё дети. И приходилось выполнять родительскую функцию, доказывать этим «детям», иногда уже семейным людям, что в консерватории они получают профессию, что в ней они могут найти себя.

— О Вас говорят, как об очень веселом и жизнерадостном человеке. Это Ваша жизненная позиция?

— Да!

— А какую литературу Вы любите? Кем зачитываетесь?

— Многими... Это и Дж. Оруэлл, и братья Вайнеры, и М. Салтыков-Щедрин, и Агата Кристи. Очень люблю историческую прозу. Собрал все книги, связанные с царствованием Романовых. Почти все собрал, связанное с Рюриковичами. У меня очень богатая библиотека. Люблю Д. Балашова читать и перечитывать. До сих пор вспоминаются романы В. Чивилихина. Очень интересный автор, которого сейчас мало кто знает. Ну, естественно, читаю литературу по специальности. Стараюсь приобрести все новинки, которые связаны с дирижерской профессией. Это, как говориться, мое хобби.

— Что для Вас главное в жизни?

— Самое главное, пожалуй, быть честным — по отношению к себе и к окружающим.

— А что Вас вдохновляет?

— Когда вижу перед собой глаза молодых. Пожалуй, так.

Беседовала Надежда Оськина

Романтик нашего времени

Летом этого года исполнилось 55 лет профессору кафедры народных инструментов ННГК, лауреату Всероссийских конкурсов исполнителей на народных инструментах Михаилу Юрьевичу Котомину. Михаил Юрьевич — концертирующий домрист, педагог, дирижер и композитор, организатор концертов и солист ансамблей народных инструментов. За свою творческую карьеру он гастролировал во многих городах России, Европы и Азии.

М.Ю. Котомин

— Расскажите, пожалуйста, почему Вы выбрали именно домру?

— Моя мама еще до войны играла на домре. Она же записала меня в музыкальную школу им. Мокроусова именно на этот инструмент, в силу того, что была хорошо с ним знакома. Мой педагог А.С. Шеменков был учеником легендарного Павла Ивановича Нечепоренко, народного артиста СССР, балалаечника, который создал целую балалаечную школу у нас в стране. Именно он привил мне сильную любовь к народным инструментам, любовь к ансамблевой игре, оркестру, что как-то помогло мне определиться в жизни.

После окончания школы я поступил в Горьковское музыкальное училище в класс профессора В.А. Кузнецова, а потом у него же закончил нашу консерваторию.

— А как случилось, что Вы начали заниматься педагогической деятельностью?

— Дело в том, что в 1986 году в моей жизни произошло знаменательное событие: я стал лауреатом Всероссийского конкурса исполнителей на народных инструментах в городе Туле. Меня заметили на кафедре и предложили работать преподавателем. Таким образом, я заочно учился в ассистентуре-стажировке у В.А. Кузнецова и одновременно вел педагогическую деятельность. В то время Виктор Александрович был единственным преподавателем домры на нашей кафедре. И нужен был педагог, который помогал бы ему вести спецкласс и тем самым пополнять оркестр, который нуждался в большом количестве домристов. А затем у меня появился вкус к этой работе, и сейчас я уже не мыслю себя без педагогики, она стала частью меня.

— Если бы была такая возможность, Вы хотели бы что-то изменить в Вашей творческой жизни?

— Наверное, после окончания ассистентуры я сделал бы больший акцент на сольном исполнительстве. Но в то время, а шёл 1987 год, город еще был закрытый, и организовывать концерты, гастроли было очень сложно.

— А сейчас Вы много выступаете?

— Дело в том, что во главе нескольких коллективов стоят мои друзья: в частности, оркестром Ивановской филармонии руководит мой однокурсник, в Кирове в качестве дирижера работает выпускник нашего факультета. От них я получаю приглашения, которым всегда очень рад. Вот недавно, работая в жюри, я побывал в городе Кемерово в Сибири. Мне очень понравился их филармонический оркестр, и, возможно, с его дирижером мы попытаемся осуществить в будущем какой-то творческий проект. Буквально вчера я играл на одном из концертов, посвященных юбилею нашей кафедры. Но, конечно, чаще выступаю с ансамблем. Я играю в двух ансамблях. Один из них — лауреат международных и Всероссийских конкурсов ансамбль «Нижегородский сувенир», в который входят такие маститые музыканты как профессор кафедры духовых инструментов, директор Нижегородского музыкального колледжа И.В. Кораллов, заместитель директора департамента культуры администрации Нижнего Новгорода Н.В. Гуськов, заслуженный работник культуры РФ С.К. Гаранин, преподаватели Нижегородского музыкального колледжа А.М. Одегов и В.В. Логунов. А второй коллектив — ансамбль педагогов ДМШ №11, которому уже больше двадцати лет. Этот коллектив часто выступает на городских площадках и также является лауреатом Всероссийского конкурса.

— А в каких городах, странах Вам удалось побывать с концертами?

— С ансамблем «Нижегородский сувенир» я объездил очень много стран. Что интересно, мы одни из первых оказались в Китае, выступали с китайскими певцами и певицами. Это началось, если я не ошибаюсь, в 1996 году. Из России в Китай в то время еще мало кто ездил. Наш ансамбль побывал впервые в Гонконге и в других городах Китая. Также были в Сингапуре, Малайзии, в Тайланде, на острове Тайвань — объехали практически весь Азиатский регион. Помимо этого мы выступали в Европейских странах — в Испании, Италии, Германии. Удалось побывать в Финляндии на фестивале, который проводили наши городские власти

в городе-побратиме Тампере. Было очень интересно пообщаться с другими музыкантами, показать свое искусство, особенно в Китае. Чем больше мы проводили в Китае концертов, тем больше у зрителей возрастал интерес к нашим народным инструментам. Один раз меня даже упрашивали продать мою домру, потому что китайцам очень понравилось ее звучание.

— Изменилось ли что-то в исполнительстве на народных инструментах по сравнению с тем, что было, например, в ваши студенческие годы?

— Безусловно. Буквально за последние десять лет произошёл огромный скачок как в развитии исполнительства на домре, так и в развитии репертуара. Для домры активно пишут такие выдающиеся композиторы, как Е. Подгайц, Г. Зайцев, М. Броннер, И. Тамарин. Они создают очень интересные, виртуозные произведения. Ну и, конечно же, нельзя не сказать об Александре Андреевиче Цыганкове. Мы считаем его патриархом домры, который поднял ее на высочайший исполнительский уровень. За последнее время он написал целых два концерта — «Концерт-симфонию», масштабное сочинение, которое длится около 25 минут, и «Славянский концерт» на основе народных тем, посвященный единству культур Украины, Белоруссии и России. Также я хотел бы сказать о наших нижегородских композиторах. Мне посчастливилось быть первым исполнителем произведений С. Стразова, Г. Комракова, Б. Сазонова.

— Расскажите, пожалуйста, как получилось, что Вы начали сочинять?

— На меня очень подействовала смерть Николая Николаевича Калинина, главного дирижера государственного оркестра им. Осипова. После его кончины я написал «Протяжную», которую и посвятил его памяти. А один Каприс мне пришлось написать по заказу: В.И. Голубничий, возглавляя жюри Всероссийского конкурса в Пензе, попросил написать обязательную пьесу для первого тура этого конкурса. Я назвал ее «Каприс на народные темы». В его основу положены несколько народных тем, обработанных в современной манере. Интересно, что эта пьеса сыграла определенную роль в проведении конкурса. Многие не рискнули ехать из-за неё, потому что она оказалась не проста в исполнении.

Произведения для солирующей домры, вообще, встречаются довольно редко. В основном, мы играем в ансамбле с роялем, гитарой, баяном. У А.А. Цыганкова есть «Пять каприсов в романтическом стиле для домры соло», есть переложения и сочинения С.Ф. Лукина, профессора института им. Шнитке. Так что я в какой-то степени продолжаю их начинания.

— Как Вы относитесь к современной академической музыке. Близка ли она Вам?

— Вы знаете, по натуре я романтик, поэтому очень ценю романтизм и мелодизм в музыке. Мне очень близка музыка Станислава Стразова. Когда я ее играю, полностью погружаюсь в нее. Из современных композиторов очень импонирует Ефрем Подгайц, в его сочинениях чувствуется и мелодизм и ритмическая свобода.

Домра — очень певучий инструмент. Хотелось бы, чтобы современные композиторы как можно больше обращались к музыке кантиленного плана, которая в исполнении на домре наиболее выигрышна. Помнится, Г.Н. Комраков хвалил домру за певучесть даже больше чем скрипку, ему очень нравился тремолирующий звук и теплота ее тона. Он очень любил наш ансамбль. Мы одно время работали в Нижегородском отделении Союза композиторов, пропагандировали его музыку, выступали с авторскими концертами А.А. Нестерова, Л.К. Сивухина, Э.Б. Фертельмейстера.

— Какие качества Вы больше всего цените в исполнителях?

— Искренность. Вы знаете, я полностью согласен с Владимиром Спиваковым в том, что в консерватории сейчас больше воспитывают виртуозов, а надобно больше воспитывать душу исполнителя.

— Вы отдаёте музыке все своё время и силы?

— Нет, конечно. В моей жизни играет большую роль семья. К тому же, у меня сейчас растет маленькая дочка, которой три годика.

— Что Вас вдохновляет?

— Сейчас больше всего меня вдохновляют мои ученики, выпускники и их успехи. Буквально сегодня раздался звонок от моей выпускницы — преподавателя Дзержинского музыкального колледжа Орловой Светланы Юрьевны. Она с радостью сообщила, что три ее ученика прошли на третий тур Всероссийского конкурса им. В.В. Андреева в Твери. Это огромный успех нашей Нижегородской школы. Ни один домрист из Твери, их родного города, не прошел на третий тур. Также я радуюсь за Садовникову М.И., которая успешно работает на нашей кафедре. Буквально сегодня у меня был в гостях мой выпускник, солист военного ансамбля «Песни и пляски» Нижегородского полка внутренних войск, который после окончания консерватории активно работает, выступает, много ездит по стране. Благодаря успехам моих учеников, я чувствую, что не зря эти годы работал в консерватории и продолжаю работать с большой любовью и вдохновением.

Беседовал Михаил Дейнес

Владимир Митяков: «Счастлив тот, кто умеет делать выбор»

В этом году отпраздновал свой 55-летний юбилей доцент кафедры народных инструментов Нижегородской консерватории, лауреат Всероссийских и международных конкурсов Владимир Николаевич Митяков. Его судьба очень интересна, ведь он практически самостоятельно «прорвался» на вершину гитарного исполнительства. Его любовь к музыке, к гитаре, к людям заразительна. Пообщавшись с ним, заряжаешься огромным желанием работать и совершенствоваться.

В.Н. Митяков

— Расскажите, как получилось, что Вы начали заниматься музыкой? Ведь Вы закончили радиофизический факультет.

— Мои родители, физики, очень хотели, чтобы я пошел по их стопам. Но этого не случилось. Окончив музыкальную школу, я стал увлекаться рок-музыкой и джазом. Стал самостоятельно осваивать гитару. Меня увлекала та рок-музыка, которая было в семидесятых годах. Я очень уважаю рок 60-х и считаю, что рок 70-х годов — это золотой период, который сильно влиял на меня, на взрослеющего будущего музыканта. Сейчас рок-направление, к сожалению, деградировало.

Поступив в университет, я стал изучать джазовые стандарты музыки, познакомился с ведущими джазовыми музыкантами города, до сих пор с ними поддерживаю дружеские отношения. В джазе меня привлекает, прежде всего, ритм. Именно остротой ритма джазовая музыка, на мой взгляд, превосходит классическую. Но нельзя быть одновременно академическим музыкантом и джазовым. Кто-то балуется, исполняя джазовую музыку, а кто-то этим живет. Что-то одно — хобби.

После окончания университета я встал перед выбором будущей профессии. Почти самостоятельно я освоил классическую гитару, подбирая на слух. Мог, например, воспроизвести по слуху многие произведения А. Сеговии. Мне это доставляло удовольствие, это был некий мостик от рок-музыки, джаза к классической гитаре. А дальше поехал к А.К. Фраучи.

В то время А.К. Фраучи был очень известным в мире гитаристом, только-только выиграл один из самых престижных на тот момент конкурсов — Международный конкурс гитаристов в Гаване. Я сыграл ему несколько произведений, выученных мною по слуху, чему он был очень удивлен. После этой встречи я твердо решил, что буду заниматься классической гитарой. Я приезжал к Александру Камилловичу, брал у него уроки. В дальнейшем все переросло в многолетнюю творческую дружбу. Мне удалось получить «свободный» диплом, что было фантастикой по тем временам.

— Поступить в консерваторию без образования музыкального училища довольно не просто. Как Вам это удалось?

— Однажды, это был апрель 1987, Александр Камиллович вместе со своей женой Марией Латинской приехал в Нижегородскую консерваторию с концертом. После концерта за кулисами произошла судьбоносная встреча А.К. Фраучи и представителей нашей кафедры В.И. Голубничего, Ю.В. Бардина, В.А. Кузнецова. Я, естественно, подошел к Александру Камилловичу (мы были на тот момент уже большие друзья). Виктор Иванович обратился к Фраучи: «Нам бы поднять гитарное исполнительство в Нижнем Новгороде, кого бы Вы нам посоветовали?» На что Александр Камиллович ему ответил: «Вы знаете, у вас есть очень талантливый молодой человек, а вот, кстати, он». Это была моя первая встреча с будущими старшими коллегами.

В этот же год я поступил в консерваторию. У меня не было за плечами музыкального училища, я только взял несколько уроков у консерваторских педагогов. Этого оказалось достаточно, чтобы я получил положительные конкурсные отметки и поступил в консерваторию сразу на второй курс.

Александра Камилловича Фраучи я считаю главным своим педагогом, вторым педагогом — его жену, Марию Наумовну Латинскую, с которой мы до сих пор очень тесно общаемся.

— Вы помните свой первый выход на сцену? Что Вы испытывали?

— Конечно, помню. Испытывал шок. Понимаете, скажу очень интересную вещь, когда человек неопытен, то его спасает ангел-хранитель. Я смотрю свое первое выступление и удивляюсь, как мне все это удавалось делать. Когда человек взрослеет, ощущение, что тебя «несет», уходит, и ты понимаешь, что кроме твоего труда, кроме твоей любви к

музыке тебя ничего не спасет. Только труд, только любовь, только знание того, что ты делаешь.

Могу сказать, что вторые и третьи шаги на сцене были сложнее, нежели самый первый. С возрастом, ты уповаешь на ангела, уповаешь на Бога, но надо уже с благодарностью относиться к тому, что было и молиться о том, чтобы Господь тебя не оставил.

— Почему Вы выбрали гитару?

— Гитара — инструмент, который позволяет раскрыть индивидуальность, потому что касание руками струн у каждого особенное, личное, не похожее на других.

Чтобы стать гитаристом, нужно быть очень рациональным человеком. Все гитаристы — интеллектуалы. Нет проторенной дорожки. Путь к виртуозному исполнению лежит через огромный творческий выбор. Мое определение свободы — свободен тот, кто умеет делать выбор. Это главное, на мой взгляд. Представляете, как это здорово перекликается с жизнью. Счастлив тот, кто умеет делать выбор.

— Какая музыка Вам ближе?

— В последнее время я мало играю чисто гитарные произведения и сочинения современных композиторов, хотя люблю современную музыку. На данный момент меня больше привлекает мировая классика. Обращаюсь к творчеству Мусоргского — очень хочется чего-то «настоящего».

— Как Вы оцениваете современное гитарное исполнительство?

— Сейчас исполнительский уровень на высочайшей ступени. В том числе и у нас целая плеяда лауреатов международных конкурсов. А композиторский уровень, на мой взгляд, отстает. Не хватает профессиональных композиторов, которые пишут крупные формы. В Европе сегодня создаётся музыка для гитары гораздо интереснее.

— А какие конкурсы, в которых Вы участвовали, наиболее значимы для Вас?

— На IV Всероссийском конкурсе исполнителей на народных инструментах, который проходил в Нижнем Новгороде в 1990 году, я стал дипломантом. Это было очень значимо и для консерватории и для меня лично. В 1995 году я стал лауреатом международного конкурса гитаристов им. М.Л. Анидо, за что мне подарили шикарную гитару итальянского мастера Оттавио Каяццо. И ещё очень сложным и важным для меня был Международный конкурс гитаристов в Токио в 1998 году.

Сейчас я занимаюсь исполнительством и педагогической деятельностью, готовлю на конкурсы уже своих студентов. Но, я считаю, что победы на конкурсах — это не цель. Не победами стоит гордиться. Гордиться нужно теми личностями, которые с твоей помощью нашли себя в жизни.

Я горжусь очень многими, например, Станиславом Нестеровым. Он, конечно, лауреат многих конкурсов, но это не самое главное для меня. Главное, что он обрел семью, закончил аспирантуру в моем классе и занял нишу педагога консерватории в Екатеринбурге. То есть человек состоялся.

Хочется еще отметить Михаила Ракина, который приехал из Новосибирска. Он сейчас учится в ассистентуре-стажировке, является ассистентом кафедры народных инструментов. Можно сказать, что начало его творческой карьеры положено.

Большие творческие достижения у Кузьмы Филимонова. У него тоже много побед на конкурсах, но в нем я ценю именно личностные качества. Он человек, на которого можно положиться. Кузьма отличается большой самостоятельностью, честно выполняет все свои творческие обязательства, и с ним очень легко работать.

Это далеко не полный перечень моих учеников, которыми я горжусь. Сейчас, например, у меня есть ученица Вера Данилина, совсем юная, ей всего 15 лет. Она уже в течение пяти лет приезжает ко мне из Пензы. Прогресс я вижу, причем очень большой. Могу сказать, что таких результатов, в столь юном возрасте я не встречал ни у кого. Она недавно стала лауреатом I степени во взрослой категории на Международном конкурсе в Новосибирске, где в жюри были лучшие гитаристы мира. Я думаю, у нее впереди много творческих побед. Как сложится ее судьба, я пока не знаю, но постараюсь сделать все возможное, чтобы она нашла свое место в жизни.

— Когда Вы поняли, что нашли себя в музыке, окрепли, состоялись, что Вы стали свободным художником?

— Наверное, на этом юбилейном концерте. Я увидел, что уже что-то создал сам. Говорю это, конечно, с долей сомнения, потому что это крайне нескромно. Главное, что у меня есть замечательные ученики, которые продолжают мое дело.

— А как Вы работаете со студентами?

— Я никогда не учу их как правильно играть. Я говорю так: «Ребята, вкусно то, что вам нравится». Но мы и должны найти именно то, что нам нравится. Сыграть так, чтобы самому понравилось. Совместно с учениками мы занимаемся поисками.

Воспитание гитаристов — это, прежде всего, воспитание людей с хорошим вкусом, это воспитание свободных людей. Человек, обладающий хорошим вкусом — свободен. У него есть осознанная иерархия того, что он любит. Вы не просто любите музыку, вы обладаете вкусом. Мало любить музыку, нужно еще понимать, как к ней прикоснуться.

Беседовала Ольга Вишнякова

«В человеке должен быть свет...»

На кафедре музыкального театра Нижегородской консерватории работает старший преподаватель сольного пения Людмила Ефимовна Бричкина, которая совсем недавно отметила свой юбилей. Её путь к музыке складывался удивительным образом... Простая девушка из села, с большой любовью к музыке. Могла ли она предположить, что станет яркой звездой оперной сцены?

Л.Е. Бричкина

Воля случая

— Я родилась в Нижнем Тагиле, а на лето родители отправляли меня в Кировскую область. И представьте, на телеге, груженной сеном, едет двухтрёх-летняя девочка и распевает песни. Мои родственники говорили: «Господи, что из этой девчонки только выйдет?».

Позже, учась в школе, я пела в самодеятельности. Все говорили мне: «Девочка, тебе надо учиться». А у меня были способности к немецкому языку, и я хотела поступать в пединститут. Но так случилось, что однажды, когда я была в гостях у родственников в Перми, знакомые посоветовали мне пойти в музыкальное училище. Привели меня к директору, такую маленькую, худенькую, в очках, говорю на «о». «У тебя ноты какие-нибудь есть?», — спрашивает директор. А у меня нот нет, да и ноты я тогда не знала. Распел меня и говорит: «Я тебя беру в училище. Мы объявим дополнительный приём в конце августа, приезжай!».

— Как проходила учёба в училище?

— Вставала рано, в 6 часов уже занималась, и потом вечером до 12 ночи, а днём ходила в кино. Закончила три курса, и тут из Свердловска к нам приехала с мастер-классом заведующая вокальной кафедрой Егорова Ольга Ивановна. И она мне сказала: «Училище не заканчивай, приезжай в Свердловскую консерваторию, я тебя беру». Но одна моя знакомая из Горького посоветовала: «Зачем тебе в Свердловск? У нас две реки и за три рубля по студенческому билету можно доехать до Москвы. А в Москве музеи и театры». Я приехала сюда и поступила в консерваторию к Марине Георгиевне Амелиной.

Я была девушка активная: в школе — член Райкома комсомола, в училище — председатель профкома, в консерватории — секретарь комитета комсомола всей консерватории. В театре и в филармонии была в комсомоле. Мне предложили остаться в консерватории на должности секретаря, но я выбрала театр. И уехала работать в Сыктывкар.

И вот я артистка республиканского музыкального театра Коми. Первое признание пришло ко мне именно здесь, за роль в спектакле-мюзикле «Белые ночи» Тихона Хренникова. За неё мне дали звание лауреата, премию, приглашали на телевидение и радио.

— А дальше Вы уехали в Горький?

— Да, и начала работать в Горьковской филармонии.

Помню, иду на работу через Кремль, мимо церкви. Иду и думаю: «Редкие люди идут на работу и радуются». Сейчас я также радуюсь, когда иду на работу в консерваторию. В филармонии я проработала 30 лет. Мы часто записывались на телевидении. И обо мне была даже выпущена передача «Творчество молодых. Поёт Людмила Бричкина».

От Баха до Гершвина.

— Есть ли у Вас любимые произведения, любимые роли?

Я в своей жизни участвовала более чем в семи тысячах концертах. Норма в филармонии — 14 концертов в месяц, но все работают, конечно, больше. Так однажды у меня был апрель, в течение которого я спела 52 концерта.

Я пела с органом «Свадебную кантату» И.С. Баха, пела Alleluia В.А. Моцарта. Как-то к нам приезжала армянская хоровая капелла, и с ними мы пели Gloria А. Вивальди. Потом была опера «Квартет» Д. Кривицкого по басне И. Крылова, и я Мартышкой прыгала по стульям. Пела в Большом зале Московской консерватории с Нижегородским филармоническим симфоническим оркестром «Сифонические фрески "Фархад и Ширин"» М. Кажлаева. Был у меня сольный концерт, который назывался «От Баха до Гершвина», где звучала и музыка Баха, и Гершвина, и джаз.

В своё время я исполняла музыку всех нижегородских композиторов: Н.В. Саниной, Н.Д. Бордюг, А.С. Бендицкого, Б.С. Гецелева, А.А. Нестерова.

Одно из самых ярких воспоминаний — исполнение «Трех поэм» Г. Минчева для голоса и оркестра на болгарском языке. Это была атональная музыка. Без тактов, где и дубль–диезы и дубль-бемоли были. Месяц сидела в наушниках, слушала.

Искусство как способ прожить много жизней.

— Как Вы работаете над актёрским образом?

— В своё время, чтобы Марфу спеть, я ходила в музей, рассматривала фотографии людей того времени. Как они смотрят, как они причёсаны. У людей того века даже взгляд другой — у них взгляд наивный.

Я всю жизнь очень много читаю, слушаю как одно произведение поют разные исполнители. Сравниваю.

— А что Вы больше всего любите в преподавании?

— Общение со студентами. Какая-то гипнотическая власть над ними появляется. Что-то покажешь девочкам, они удивляются: «Как у вас получается?» Я говорю: «Милые мои, я 30 лет отпела. Я поднялась по творческой лестнице и уже спустилась. А вы ещё на первую ступеньку не встали». Концертмейстер у меня замечательный — Геннадий Александрович Курсков, тонкий, вдохновенный музыкант.

— А что Вы цените в людях?

— Я считаю, что в человеке должен быть свет. А во мне, как мне кажется, Бог заложил очень много света. Я выросла в большой любви и никогда не думала даже, что кто-то меня не любил. Мне казалось, что все меня любят.

— А что Вас вдохновляет?

— Солнце. Я очень люблю солнце. Музыка вдохновляет, книги, любовь. Я очень страстный человек, и любовь в моей жизни всегда много значила. Молодёжь вдохновляет, и дети, которые учатся петь.

— Что для Вас искусство?

— Жить чужой жизнью. Прожить много других жизней, вникнуть в психологию других людей, научиться разбираться в людях. Это очень интересно. Каждый раз — как смотришь новое кино. И мало того, что самому нужно понять, разобраться, нужно это передать слушателям, достучаться до каждого человека.

Беседовала Ксения Половникова

Факультету дополнительного образования и повышения квалификации — 15 лет!

15 лет назад в консерватории появился ФДОиПК. Его организатором стала кандидат педагогических наук, профессор Т.Я. Железнова. Все эти годы факультет живёт яркой насыщенной жизнью. Более 2000 человек повысили свою квалификацию и получили новые специализации. Это музыкальные журналисты и звукорежиссёры, дирижёры хора и дирижёры симфонического и народного оркестров, вокалисты и исполнители на различных инструментах. Факультет постоянно организует мастер-классы известных деятелей музыкального искусства из Москвы, Санкт-Петербурга и других городов России, а также из Франции, Литвы и Китая.

Т.Я. Железнова с участниками I Всероссийского педагогического форума

Большим успехом у публики пользуются концерты, проводимые ФДОиПК. Это и ежегодные отчётные концерты и концерты-юбилеи, приуроченные к памятным датам, как, например, недавно прошедший вечер «Глинка и его время», а также концерты-презентации новых направлений факультета и всей консерватории. Также по инициативе факультета организован «Хор преподавателей Нижнего Новгорода», выступающий на разных площадках города.

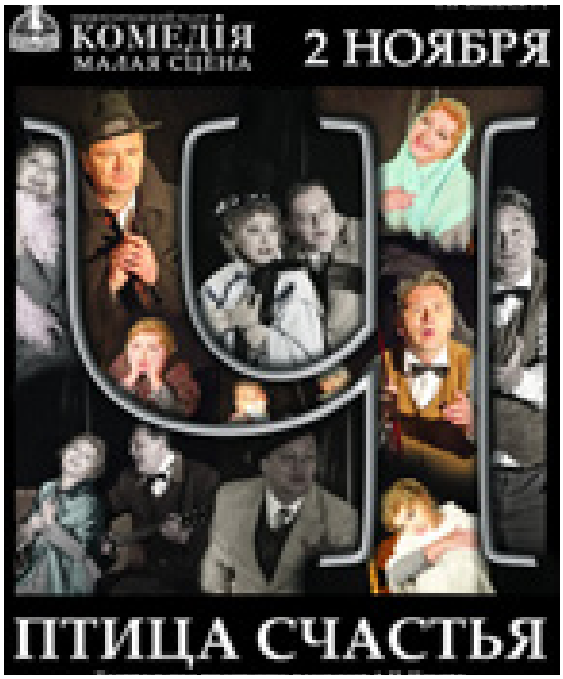
И сегодня ФДОиПК полон планов: так в ближайшее время предполагается открытие Творческих мастерских для студентов и школьников по авторским программам «арт-журналистика», «звукорежиссура», «актёрское мастерство» и др.

«Нынешний юбилей — это праздник не только факультета и его декана, — говорит Тамара Яковлевна, — в наших проектах участвуют преподаватели и студенты многих кафедр, а значит юбилей ФДО и ПК – это праздник всей консерватории!»

От всей души поздравляем факультет дополнительного образования с юбилеем. Консерватория вами гордится!

Две жизни — две души

Самопожертвование или самовлюблённость? Одни готовы на всё ради других, другие — чужые беды за собственной персоной не замечают. Два контрастных образа из рассказов А.П. Чехова «Душечка» и «Княгиня» совместила в одном спектакле «Птица счастья» режиссёр Ирина Промтова. Премьера прошла на малой сцене Нижегородского театра «Комедія».



Из декораций — стол, покрытый кружевной скатертью, да пара стульев. Всё зрительское внимание сосредоточено на игре двух актёров: заслуженной артистки России Марины Вязьминой и Игоря Смеловского, каждый из которых представляет сразу несколько образов.

Марина Вязьмина мастерски перевоплощалась из гордой и непреклонной Княгини в трепетную и нежную Душечку. Княгиня Вера Гавриловна — воплощение самолюбования и эгоизма. Её жизнь — театральные подмостки. Героиня придумала себе игрушечную жизнь и искренне верит в неё. Ей кажется, что она дарит свет окружающим, но это далеко не так. Глухость к человеческим проблемам и сосредоточенность на себе вызывают осуждение и ненависть окружающих. Наигранная благотворительность для демонстрации «большой души» не нужна простым людям, ведь в ней нет искренней теплоты и заботы.

Иная Душечка. Вся жизнь Оленьки Племянниковой заключена в любви, которая так же необходима ей, как воздух. Самоотверженность и служение другим удивительным образом переплетаются с полным отсутствием интересов и своего мнения. В беседах на театральную тему при Кукине она полностью поддерживает его точку зрения, при Пустовалове общается исключительно лесотехническими терминами, а при ветеринаре Смирнине — рассуждает о болезнях. Лишь когда просыпаются в ней материнские чувства к Саше (сыну ветеринара) всё меняется. И здесь зритель уже не смеётся над героиней и над её ветреностью, теперь Ольга вызывает понимание и сочувствие. Из легкомысленной дамы, быстро меняющей сердечные привязанности, она превращается в женщину, глубоко переживающую утрату...

Мужские образы, каждый из которых характеристичен по-своему, представил Игорь Смеловский. В «Княгине» — это кроткий, боязливый доктор Михаил Иванович, в шляпе, клетчатом пиджаке, очках и с чемоданчиком. Робкая походка и как бы втянутая в плечи шея говорит зрителю о том, что это неуверенный в себе человек, холодный и немногословный. На мгновение он перевоплощается в эмоционального, охваченного негодованием оратора, снимая маску осторожности, восклицает: «Иметь более миллиона состояния и ничего не сделать для людей!» Но, опомнившись, вновь горбится и уходит на цыпочках.

В «Душечке» И. Смеловский перевоплощается сначала в яркого театрального режиссёра Кукина, затем в деловитого лесоторговца Пустовалова, а следом — в ветеринара Смирнина, трепетно относящегося к своему делу.

Чуткое партнёрство, мастерское перевоплощение, эмоциональная чувственность, яркая мимика, точные интонации и жесты, — все эти качества артистов в гармоничном дуэте помогли зрителю не только понять содержание произведений, но и прочувствовать всё глубину внутреннего мира персонажей спектакля.

Образы героев дополняла музыка. Так Княгиню сопровождали звуки колокола и мужское хоральное пение. «Сидеть бы всю жизнь на этой скамейке и прислушиваться к тишине...», — произносит героиня, и в этот момент она предстаёт перед зрителем простой женщиной, уставшей от чужой зависти и непонимания. Образ Душечки отразился в лирической «бархатной» песне альта, которая появлялась в моменты переживаний героини и помогала более чутко понимать её внутренний мир.

Почему же спектакль называется «Птица счастья?» Быть может, потому, что обе героини пытаются поймать её, но каждый раз она от них ускользает…

Ксения Половникова

И, словно листья, шелестят печальной памяти страницы...

Льются с милых фотографий
океаны биографий,
жизнь в которых — вся, до дна, с нашей переплетена.
И не муки и не слёзы выражают эти позы,
не случайный интерес
и не сожаленья снова…
Свет — и ничего другого,
век — и никаких чудес.
Б. Окуджава

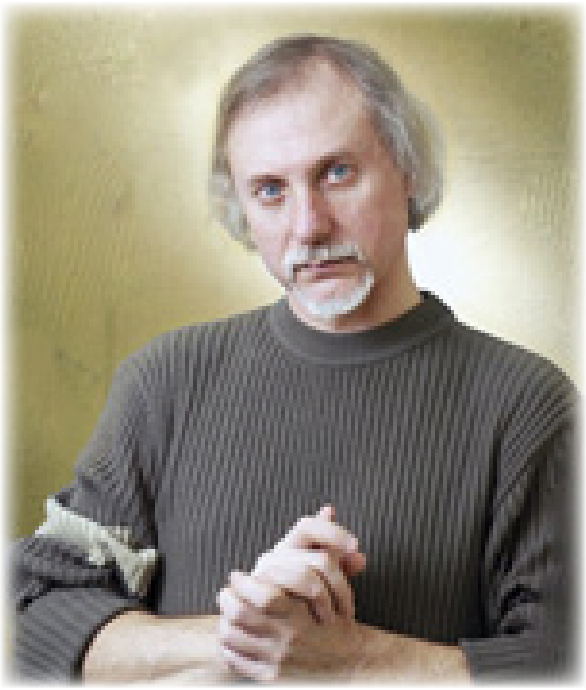
2010-й год… В Нижнем Новгороде проходил Всероссийский хоровой фестиваль имени Л. Сивухина. В одном из концертов в исполнении хора «Благовест» под управлением Льва Панкратова прозвучал хор тогда не известного мне композитора из Саранска Сергея Терханова «Русская любовь» на стихи Григория Мазлуняна.

По весне, когда любовь ликует,
(Разве душу русскую поймёшь?)
Мы берёзу белую целуем,
А потом по венам — острый нож.
И польются, наполняя чашу,
То ли сок берёзы, то ли кровь,
Но прощают нам берёзы наши
Вот такую русскую любовь…

После исполнения долго не смолкали аплодисменты. Автора попросили подняться на сцену. Тогда-то я впервые и увидела Сергея Яковлевича. На сцене вся его фигура и взволнованное лицо выражали одновременно смущение и сдержанную радость.

Запомнилась легкая, словно летящая, походка Сергея, в ней чувствовался живой нерв человека энергичного и целеустремленного; и еще запомнился серьезный взгляд больших светло-серых глаз… У Сергея были большие светлые глаза будто чем-то удивленного ребенка. Потом, при последующих встречах, замечала, что глаза его меняли цвет, становясь то серо-голубыми, то серо-бирюзовыми, то ярко-голубыми… Но каждый раз на тебя смотрел именно ребёнок — умный, серьезный, понимающий, увлеченный, восторженный, благодарный и умеющий слушать и терпеливо ждать, не прерывая речи собеседника.

В тот вечер, после концерта, я решила дождаться Сергея Яковлевича в фойе, чтобы задать ему несколько вопросов о премьере. Как



Сергей Терханов

только он вышел из зала, рядом с ним всё время оказывались люди. Они поздравляли его, радостно приветствовали, крепко пожимали руку или по-дружески обнимали. Чувствовалось, что он здесь свой, что ему здесь рады. Наконец, фойе почти опустело, я уже собралась подойти к нему с диктофоном, как вдруг Сергей Яковлевич неожиданно, почти бегом, двинулся в мою сторону, присел рядом и что-то стал энергично искать в своем портфеле, не обращая на меня никакого внимания. Шуршал-шуршал страничками, я не хотела ему помешать, но подумала, а вдруг он сейчас также неожиданно исчезнет, как и появился? Вспорхнет — и всё! Тогда я ему представилась. А главное — поблагодарила за «Русскую любовь», оставившую сильное впечатление. Вышло всё как-то просто, не парадно и естественно, будто я не корреспондент, а он — не герой сегодняшнего вечера (о том, что он герой нашего времени, я еще не знала). Портфель был сразу забыт, а из Сергея словно «посыпались» рассказы — один за другим, и всё это проговаривалось им довольно быстро, но очень хорошим русским языком и с безупречной дикцией. Время было не раннее, концерт был долгим, и на тот вечер и у Сергея Яковлевича и у меня были кое-какие планы, и его и меня ждали люди, поэтому мы решили перенести запись интервью на утро. Помню, что меня покорила

его полная «боевая» готовность рассказать обо всем. Чувствовалось, что беседы с журналистами для него привычны, и ему есть о чем рассказать. Откуда мне было знать, что в тот вечер мне было подарено не только знакомство с талантливым композитором и удивительным человеком, но и начало трогательной дружбы, глубина которой не измеряется ни количеством лет, ни числом наших, увы, совсем не частых встреч.

В беседах с Сергеем Яковлевичем главной темой всегда была музыка, часто — поэзия и, конечно, все новое, что он сочинял. И, что меня вначале сильно удивляло, а потом удивлять перестало, став нормой, — это поразительное сходство наших взглядов и постоянный «унисон» — в оценках явлений и событий... Единственное увлечение, которое я не могла разделить с ним, это футбол. Он меня совсем не волновал, а Сергей Яковлевич был страстным болельщиком и имел широкий круг друзей — капелланов (так именуют в Нижнем выпускников Нижегородской хоровой капеллы), которые в полной мере разделяли с ним эту сумасшедшую мальчишескую любовь к футбольным баталиям.

Святая наука — расслышать друг друга
Сквозь ветер, на все времена…

Сейчас мне думается: а была ли это просто дружба? И тут же слышу внутренний голос: а разве дружба — это просто? Сергей умел дорожить друзьями и сохранять им верность как никто. О друзьях он не только не забывал, он о них нежно заботился, переживал за их здоровье, прилагал все усилия к тому, чтобы его друзья общались между собой. Со временем, почти незаметно, наши деловые отношения «переплавились» во что-то качественно иное. И скорее всего — именно благодаря особым душевным свойствам Сергея. А душа у него была…да уж, редко кто, дожив до 60 лет, сохранил такую! Сергей был чрезвычайно деликатен и щедр — без оглядки. Его никогда не волновал вопрос, с чем останется он. Его главный «фокус» был сосредоточен на тебе. Как дать тебе то, в чем ты нуждаешься или, скажем, что он может сделать, чтобы тебе легче работалось. Иногда моя работа была связана напрямую с его творчеством, мне хотелось познакомить своих радиослушателей с его талантливой музыкой. Безусловно, и ему тоже хотелось увеличить число людей, знакомых с его сочинениями. Поэтому цель у нас была общая, что правда — то правда. Но ведь Музыке-то Сергей служил без корысти. Свои новые творения он создавал не на заказ. Он не получал за них ни гроша, и хотя жить ему и его семье надо было на что-то, он довольствовался самым малым, не рассчитывая получить монетку за новую работу. Главной наградой для него было внимание к его творчеству: только бы кто-то послушал, только бы кто-то оценил, заметил, сыграл, спел!

А не писать он не мог. И если многие великие композиторы прошлого музыкой зарабатывали себе на хлеб, и были музыкантами «подневольными», то у Сергея была одна «неволя» — его композиторская совесть. И, безусловно, — призвание. Прожить день праздно было для него нравственным преступлением! Когда Сергей присылал мне диски с записью своей музыки или позже — ксерокопии нот, я поражалась, с какой опрятностью, как красиво, с какой любовью была выведена его рукой каждая буковка, каждая нотка! Не от любви к себе, не из уважения к своей личности, нет! Это было одним из проявлений его верного и преданного служения Её Величеству Музыке. Он относился к числу тех художников, кто горячо любил Искусство в себе, а не себя в искусстве.

Из дневниковых записей

Март 2011 г. Сергей пригласил на премьеру «Алых парусов». Нравится жанр — романтическая история, нравится название Театра — «Вера». Интересно. Современные Ассоль, Грэй — возможно ли искренне сыграть их сегодня? Найдутся ли такие актеры? Оформлю командировку и сделаю эфир на Радио России — в рубрику «Фестивали, конкурсы, премьеры». Решено. Еду!

Запись после премьеры

Апрель 2011 г . Я потрясена красотой и нервом музыки. Сережа — большой талант! Встретились перед премьерой и с его семьей: женой Танюшей и дочкой Леночкой. Как счастлив был Сергей, представляя их! Весь светился радостью. Боже, не иначе, как Ты Сам вложил в сердце Сергея такую любовь!

Ту поездку в Нижний память сохранила в подробностях… Входим в Театр. Музыка — словно звуковое облако, внутрь которого мы попадаем сразу, оно окутывает нас…Приглушенно звучащая мелодия будто говорит: « Забудьте на время свои трезвые, рациональные мысли. Сейчас вам предстоит побыть немножко романтиками, вместе с нашими героями пережить унижение и бедность, вместе с ними испытать любовь и поверить в мечту»... Музыка еще продолжает творить свою добрую работу, а в это время в фойе появляются актеры в пестрых веселых костюмах, становится шумно, взрослые зрители что-то объясняют своим маленьким детишкам,

директор Театра произносит трогательную речь, и все — в приподнятом настроении: сегодня премьера и сегодня же Театр «Вера» отмечает своё 20-летие!…Ну, что ж, доброго плавания Театру с добрым названием! И вдруг зазвучал Гимн театра, все притихли, а может быть, мне так показалось, потому что сама я слышала теперь только Серёжин гимн. Музыка, как налетевшая морская волна, словно приподняла и повлекла за собой!

И вот мы уже в зале. Свет погасили…На заднике сцены — большой экран и на нем изображение плывущего старинного корабля. Алых парусов еще нет. Всё — впереди! Поскрипывает мачта, грузный корабль плывет прямо на нас. Кричат чайки, и вдруг издалека тихо-тихо начинает звучать нежная сказочная мелодия. И сразу все зрители попали в мир … не сказки, нет, а пленительно-волнующего Чуда! Талантливая игра молодых актеров, их выразительное пение, оригинальная постановка, динамика сменяющихся сцен — всё убеждало в том, что история Грина в тот вечер родилась заново! И всё же, всё же… Новую жизнь в известное гриновское творение вдохнула именно музыка Сергея Терханова! Взрослые зрители ощутили живое трепетное волнение юности, а маленькие — наоборот — словно повзрослели, прекрасно разобравшись, кто в этой истории плохой, а кто — благородный, и как много значит в жизни мечта и вера в то, что она непременно сбудется.

После спектакля я записывала мнения зрителей: как они восприняли премьеру? Удивила ли она их и если — да, то чем? Ответы были схожими. Всех потрясла музыка. Многие признались, что были взволнованы её звучанием до слез. Благодаря музыке зрители открыли в себе способность воспринимать нежность и красоту, ненавидеть чёрствость и тупость «земных недочеловеков» и радоваться счастью нежной Ассоль и отважного Грэя вместе с мудрым Угольщиком! После премьеры «Алых парусов» хотелось всех обнять, хотелось дышать полной грудью, да просто — хотелось ЖИТЬ…

Сергей Яковлевич после премьеры смущенно (его постоянная интонация) принимал поздравления. Но блестевшие радостью глаза, сдержанная улыбка и тихий почти шепчущий голос («перезанимался», работая с актерами над исполнением вокальных партий) выдавали его волнение. Это был настоящий творческий триумф!

«Мысли вслух»

У композитора Валерия Александровича Гаврилина было в жизни два любимых родных города — Вологда и Петербург. У Сергея Яковлевича Терханова тоже два — любимых и родных: Нижний Новгород, в котором он родился и прожил первые 30 лет жизни, и Саранск, в котором были прожиты им последние 30 лет… Гаврилин не дожил 5 месяцев до своего 60-летия. Терханов на 5 месяцев «задержался» на земле после своего 60-летия… Валерий Александрович горько переживал свою отверженность музыкальной элитой. Сергей Яковлевич мужественно молчал о том, что его «зажимают», вычеркивают его сочинения из концертных программ, не сообщают ему вовремя о творческих конкурсах, проводимых Союзом композиторов, не информируют вовремя о проведении фестивалей, где он мог бы представить свою музыку …Горькая участь русских Поэтов, Художников, Музыкантов. Как может не болеть сердце? Как может жизнь быть долгой?!

Декабрьские дивертисменты

Следующая встреча с Сергеем Яковлевичем состоялась в 2011-м году. Морозный декабрь… Еду в Саранск. Когда Сергей узнал, что я веду рубрику, посвященную музыкальным фестивалям, он сразу предложил мне посетить Саранск в дни проведения Всероссийского фестиваля «Декабрьские дивертисменты». И заодно устроил так, чтобы в Саранском театре кукол в один из моих свободных дней сыграли спектакль по мотивам сказки Г.Х. Андерсена «Гадкий утёнок», музыку для которого написал Сергей.

В первый же вечер огромный зал Драматического театра им.Яушева с трудом «поглотил» всех желающих попасть на концерт фестиваля. Запомнилось: на улице — нешуточный мороз, Саранск заснежен, подсвечен, наряден, словно уже наступили Рождественские праздники…То ли всегда Саранск таков, то ли власти расстарались ради Фестиваля и его гостей. А гости и вправду были достойные: блистательный «Терем»-квартет из Санкт-Петербурга и талантливый исполнительский дуэт: молодой баритон Владимир Александрович и пианист Олег Вайнштейн; в последний день фестиваля блистательно выступил Московский камерный оркестр «Эрмитаж» под управлением «золотого гобоиста» Алексея Уткина. Все концерты были своего рода открытием, каждый вечер дарил свежие впечатления, ни разу не возникло ощущения потерянного времени. Во время записи интервью Сергей добровольно сопровождал меня за кулисы, стоял — словно на страже, рядышком, чтобы пригодиться, помочь, а вдруг?.. Надо ли говорить, что эта трогательная молчаливая поддержка, о которой я и не смела просить, согревала сердце. Сергей чутким сво-

им сердцем понимал, что в чужом городе, в новой обстановке, даже опытный журналист более комфортно чувствует себя с «группой поддержки», а не в одиночку.

Вспоминается приятный сюрприз одного из вечерних «Дивертисментов»: пианист Олег Вайнштейн неожиданно исполнил импровизированное переложение романса Сергея Яковлевича «Пол-лета». Ностальгическая тема романса переливалась всеми оттенками нежности; мелодия его — хрупкая, словно льдинка, «просвечивала» в легкой, ажурной фактуре. Я едва успела включить диктофон, чтобы записать этот неожиданный сюрприз - Сергею на память. Публика встретила этот концертный номер на «ура». Автора пригласили на сцену. Свет прожекторов был направлен на смущенное и счастливое лицо композитора… В зале продолжались овации, и мы с Татьяной Новоженовой (всё время хочется написать — Терхановой!) без устали аплодировали, разделяя Серёжину радость.

***

В Сергее Яковлевиче я часто, признаюсь, и видела и слышала ребёнка. Это еще одна большая и важная правда о нем. Когда человек не играет в детство и не впадает в него, а остается в нем, сохраняя свою душевную чистоту. Многие хорошо знавшие его серьезные и солидные люди отмечали поразительное умение композитора чувствовать «детский мир», находить слова, сюжеты, интонации, которые затронут детское сердечко. Сергеем Яковлевичем написано множество детских песен и хоров. В Мордовии, в Республиканском театре кукол 15 спектаклей украшены его талантливой музыкой! А в его литературном наследии — целая россыпь маленьких лирических шедевров с трогательными детскими образами.

***

Сколько ласковой заботы и теплого сердечного внимания Сергей Яковлевич проявлял к людям, не описать. «Подсмотренных» мною случаев много. В орбиту его внимания попадали забытые всеми старики, тяжело заболевшие или приунывшие от жизненных невзгод соавторы, воины-афганцы, любимые педагоги, знаменитые и совсем не известные в музыкальном или около-музыкальном мире люди. Серёжа находил время позвонить, забежать, тайком подложить букетик цветов под дверь в день Рождения, и меня иногда привлекал к участию в своих «благотворительных» проектах. Как же я ему за это благодарна! Он, конечно, не собирался меня ничему учить, но учил — без слов — быть внимательной к людям, беречь их покой, утешая старость, поддерживая добрым словом студентов, начинающих самостоятельный путь в искусстве. И поражаешься теперь, как он находил время для множества своих сердечных приветов?!

***

В 2013-м вся Россия отмечала 400-летие династии Романовых. Приезжая в Екатеринбург на фестиваль «Царские дни», вершина которого приходилась на 16–17 июля (день убиения Святой Царской Семьи), я поражалась, как мало новых сочинений звучит в концертных фестивальных программах. Особенно — мало хоровых. Их почти и не было. А однажды в Челябинске мне подарили чудный сборник стихов уральской поэтессы Лии Кулешовой. Оказалось, что одна из излюбленных тем поэтессы — царская. Я перепечатала несколько стихотворений Лии и отправила их по электронной почте в Саранск. Спустя какое-то совсем не долгое время звонит мне Сергей Яковлевич, а я на работе. Он, сама деликатность, боясь помешать, кратко сообщает, что написал на стихи Л. Кулешовой хоры, ноты мне вскоре вышлет. И вот получаю бандероль. Приехала домой, раскрыла ноты. Количество диезов пугает, переменный метр — тоже. Всё кричит во мне: да кто же в Екатеринбурге или на Ганиной Яме такое выучит и сможет спеть?! Это же не Капелла и не Нижегородская консерватория! Ставлю ноты на пюпитр, «продираюсь» сквозь заслоны диезов и …замираю: музыка начинает оживать в прекрасных гармониях, в них нет надуманных сложностей. Это характерный терхановский стиль — ясный, узнаваемый, но не сразу открывающийся ленивому и косному взгляду. Музыка коснулась сердца. Партии расписаны чётко. Слов немного, реплики повторяются, словно капельки слёз, падающих вниз... Не знаю, споют ли когда-нибудь на «Царских днях» эту изумительную хоровую музыку. Но для меня главное, что Сергей отметил своим трудом и талантом 400-летие династии Романовых и воспел духовный подвиг Святой Царской Семьи вместе с челябинской поэтессой Лией Кулешовой.

***

В течение последних лет жизни Сергея Яковлевича, общаясь по телефону, я почти каждый раз слышала о том, что он продолжает в студии запись оперы-балета «Он и Она». Он оживал, когда делился своими планами и рассказывал о своем творчестве. Рассказывал «взахлёб», торопясь, волнуясь — успеет ли поделиться хотя бы самым главным? Концерты, работа в жюри, уча-

стие в конкурсах, исполнение сочинений за рубежом или где-то в России, новые стихи, только что родившиеся пьесы, романсы и хоры, новый заказ для театра, записи в студии и т.д. и т.д. Нескончаемый поток творческих импульсов. Словно отчитывался, что дни, пока мы не общались, он прожил не зря. Трудился, не щадил себя, выполнял обещанное… Я еле-еле успевала между этими жизненно важными для него новостями вставить: «Как ты себя чувствуешь?» Даже за 15 дней до смерти я услышала успокаивающую и ободряющую фразу: «Да всё прекрасно! Солнышко светит, за окном — берёзки, выгляну в окно, а там кот за голубями гоняется… А сейчас ко мне все мои пришли: и Танюша, и дети рядом, и Владик (годовалый внук) бегает по палате, представляешь? Так хорошо, что мы все вместе. На душе — праздник. Я счастлив!» Память сохранила эти слова: «В общем, со мной всё хорошо, волноваться не о чем…» — Про четыре операции — ни слова, про сеансы изнурительной химиотерапии — ни слова, ни единого стона, ни ропота, ни высказанного страха за себя. И только новые стихи — о предназначении художника, о Жизни, которая продолжится и после нас… и тут же — милые детские стишки о гноме, который бережёт свой дом и всех, кто в нём живет.

***

Еще одно воспоминание. 2014-й год. Однажды взяла в руки томик стихов Булата Окуджавы, сделала несколько закладок, чтобы прочесть по телефону эти стихи Сергею. А вдруг сердце его загорится, вдруг он захочет написать на них музыку? Темы — его любимые. Одно из стихотворений называлось «Свет предназначенья». Там были такие слова, они перекликались — один в один — с тем, что в те дни переживал сам Сергей.

Звоню, не откладывая. Внутри меня — радость, предвкушаю, как «встрепенётся» сейчас Сергей, уверена: он удивится созвучию мысли любимого Булата Шалвовича со своими собственными размышлениями. Только успеваю тихо пролепетать «здравствуй», как он «выпаливает» свою главную новость: сейчас он дописывает цикл на стихи Окуджавы (!), который будет называться… «Свет предназначенья»! Тогда я признаюсь ему в цели своего звонка. Тихо удивляемся вместе.

Сегодня утром уж в который раз
я не проснулся — я родился снова...
Да здравствуют живущие средь нас
и свет в окне, и музыка, и слово!

«Свет предназначенья». Б. Окуджава

***

Каждый день я пытаюсь понять, почему после ухода Сергея образовалась в жизни огромная брешь?! Слушаю его музыку; дома, поставив ноты на пюпитр, пытаюсь прикоснуться с помощью видимых клавиш к невидимому внутреннему миру моего скромного друга… Все наши диалоги были о том, чем он дышал, без чего и дня не мог прожить…Я не сразу поняла, что разговоры о поэзии, природе и её красотах, о друзьях и о маленьком Владике — нежно любимом и пока единственном его внуке — были…«анестезией». Да, именно так. Обезболивание в страдании телесном он находил в разговорах о драгоценных для него вещах. Но главное — он находил его в своей новой, рождающейся Музыке. Этот источник не иссякал до последних его земных дней. Как и Любовь. Она невидимо, где-то в самой глубине его сердца, трепетала, как не остывающий огонек на ветру!

Уходя, оставьте Свет —
Перед ним отступит холод!
Свет собой заполнит город,
Даже если Вас там нет.

Не могу не сказать, что преклоняюсь перед мужеством и великодушием Сергея Яковлевича. Его сердце умело любить и восторгаться так, что и на семерых бы хватило! Оттого, наверное, и Музыка его так волнует. Однажды в радиопередаче С.Я. процитировал строчку поэта Петра Вегина: «Уходя оставить Свет — это больше, чем остаться…» Сергей Терханов его оставил. Яркий и незабываемый. Он будет светить тем, кто тянется к добру, правде и Любви — в самом высоком значении этого слова.

Спасибо тебе, дорогой человек. ТЫ — ЕСТЬ! Твоя жизнь продолжается. И как бы ни играли твои любимые футболисты, знай, что самый главный мировой чемпионат выиграл ты — на человечность и верность своему призванию. Высокому призванию Художника.

Тот, кто СВЕТЕЛ, тот и ВЕЧЕН!
Путь со Светом бесконечен…

Людмила Кириллова

Консерватория поздравляет с юбилеем!

Каневскую Софию Матвеевну
Лысову Ольгу Вадимовну
Бухарову Тамару Григорьевну
Бабий Галину Сергеевну
Тимофееву Татьяну Дмитриевну
Малыхину Анжелу Вячеславовну
Золину Евгению Борисовну
Кочканян Артура Александовича
Колокольцеву Марину Ивановну
Псху Надежду Васильевну

Юбилейная

Еще не раз эпоха то радостью, то болью
Наполнит наши струны и наши голоса.
И будем мы друг друга дарить своей любовью,
Пока своей любовью нас дарят небеса.

Михаил Щербаков

С Новым 2015 годом!!!

Снег идет, снег идет.
К белым звездочкам в буране
Тянутся цветы герани
За оконный переплет.

Снег идет, и все в смятеньи,
Все пускается в полет,
Черной лестницы ступени,
Перекрестка поворот.

Снег идет, снег идет,
Словно падают не хлопья,
А в заплатанном салопе
Сходит наземь небосвод.

Словно с видом чудака,
С верхней лестничной площадки,
Крадучись, играя в прятки,
Сходит небо с чердака.

Потому что жизнь не ждет.
Не оглянешься и святки.
Только промежуток краткий,
Смотришь, там и новый год.

Снег идет, густой-густой.
В ногу с ним, стопами теми,
В том же темпе, с ленью той
Или с той же быстротой,

Может быть, проходит время?
Может быть, за годом год
Следуют, как снег идет,
Или как слова в поэме?

Снег идет, снег идет,
Снег идет, и все в смятеньи:
Убеленный пешеход,
Удивленные растенья,
Перекрестка поворот.

Борис Пастернак

Неизвестная заметка в дневнике Адольфа Сакса

6 Ноября 2014 год. День рождения.

Родители рассказывали, что, когда я родился — на улице пошел снег. Всю ночь он засыпал маленький бельгийский город Динан. На утро все улочки, мосты и скверы были окутаны зимней сказкой. Сегодня, спустя много лет в мой день рождения вновь выпал снег, а сам я чудесным образом находился в провинциальном российском городке Нижнем Новгороде.

С самого утра ко мне начали стекаться письма из заграницы. С радостью я получил поздравление от старого друга дорогого Гектора Берлиоза, который пожелал долгих лет мне и моему «сыну» — саксофону. Да, мое изобретение — моя гордость! Среди прочих писем оказалось приглашение в Нижегородскую консерваторию на концерт, посвящённый моему дню рождения. Это приглашение меня очень взволновало, и мысли о нём неотступно следовали за мной. Чтобы успокоиться, я решил немного прогуляться по центру этого города, такому же тихому, как мой родной Динан. Придя на концерт, я не решился сесть на первые места, чтобы не смущать исполнителей, и занял кресло в последнем ряду у окна. Малый зал консерватории небольшой, поэтому я видел все, что происходило на сцене.

В самом начале на сцену вышла очень обаятельная девушка Ольга Попова: «В этом году мы отмечаем 200 лет со дня рождения создателя саксофона Адольфа Сакса», — сказала она. Надо же, они помнят! В предвкушении услышать прекрасную музыку я занял удобную позу, и все внимание обратил на сцену. Как интересно и неожиданно звучала на саксофоне музыка И.С. Баха! Я никогда не мог подумать, что изобрел настолько универсальный инструмент, на котором так гармонично и легко прозвучит переложение сонаты для флейты. Браво Максиму Вихареву и Юлии Грошевой! Когда зазвучала яркая и зажигательная сюита «Скарамуш» Дариюса Мийо в исполнении выпускника консерватории Ильи Медведева, на меня нахлынули воспоминания о первом бал-маскараде в Рио-де-Жанейро, на который в 1840 году мы приехали с моей Луизой Адель Маор: толпы танцующих людей в пестрых нарядах передвигались по улицам города. Захватывающее зрелище!..Но я отвлекся. Оказалось, что в России любят саксофон — для меня это стало приятной неожиданностью. Впервые я услышал дуэт для двух саксофонов советского композитора Григория Калинковича, в котором саксофоны, как два веселых друга, шутили, смеялись, рассказывали забавные истории.

Музыкант с необычным именем Джоу Боян исполнил три мелодии на китайском народном духовом инструменте — хулусе. Мне понравился экзотический звук этого инструмента, который поведал о культуре не знакомой для меня страны. В завершении вечера дуэт Ольги Поповой и Сергея Озерова «Эспрессио» исполнил два очень разных по стилю сочинения Астора Пьяццолла: возвышенное и одухотворённое «Oblivion» и игриво-страстное «Libertango».

Когда я вышел из консерватории, меня переполняли чувства радости. Я и подумать не мог, что в этом далёком российском городе знают и помнят мое имя. Как и прежде, медленно падал снег, и желтые глазища фонарей освещали тихую улицу. Сегодня я понял, что мои труды прошли не напрасно — саксофон стал настоящим творением искусства. Благодаря таким исполнителям его голос звучит, а вместе с ним живу и я.

Заметка Сакса найдена и отредактирована Надеждой Оськиной

Кафедра музыкальной журналистики предлагает свои услуги по созданию видео- и радиопрограмм о музыкальных событиях, а также:

- видеозапись
- видеомонтаж
- создание сценария
- режиссуру

Контакты:

8-910-142-56-09 Птушко Лидия Александровна, зав. кафедрой музыкальной журналистики

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВА НИЖЕГОРОДСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ

Книги

АМЕЛИНА М.Г. Пение – пространство жизни: статьи, материалы. 200 с., ил.

МЮРИСЕП А.В. Язык сцены (профессиональная терминология в определениях и примерах): учебное пособие. 348 с.

Учебные пособия

КУКЛЕВ А.В. Оперное творчество Клаудио Монтеверди: у истоков belcanto: учебное пособие. 88 с.

БУХАРОВА Т.Г. Деловые письма музыкантов: учебное пособие. 40 с.

ПОПОВ В.А. Изучение репертуара детских и юношеских хоров: учебное пособие. 96 с.

ТИМИНА С.В., ЛЕБЕДЕВА О.А., ЛЕВИЧЕВА Е.В. Мы изучаем русский язык: учебное пособие. 92 с.

ЮСУПОВА И.А. English For Students Of Music: учебное пособие. 92 с.

БЕРДНИКОВА Н.П., КОЛЕСНИКОВ В.С. Нижегородское отделение ИРМО: музыкально-исторический очерк. 76 с.

КВАШНИН К.А. Вопросы методики обучения игре на духовых инструментах: учебное пособие. 100 с.

СУПРУНЕНКО Г.В. Принципы театрализации в современной хоровой музыке (на примере сочинений отечественных композиторов Р. Щедрина, М. Броннера, Э. Фертельмейстера): учебное пособие. 52 с.

Периодические издания

Актуальные проблемы высшего музыкального образования. 2014.
№№ 3 (33), 4 (34).

НОВАЯ КНИЖНАЯ, НОТНАЯ ЛИТЕРАТУРА, CD ДРУГИХ ИЗДАТЕЛЬСТВ

МЫСЛИ О БЕТХОВЕНЕ: сб. статей. Сост.: Б. Бородин, А. Лукьянов. М.: Классика-XXI, 2010. 144 с.

МЕРКУЛОВ А.М. Фортепианные сюитные циклы Шумана: вопросы целостности композиции и интерпретации. М.: Музыка, 2011. 96 с.

ПРОПИЩАН С. «У рояля – Гита Страхилевич». Просветитель, музыкант, пианистка, мама... М.: Буки Веди, 2014. 160 с.

ШАТСКИЙ П.А. Фортепианные вариации Бетховена. Особенности жанра и эволюция интерпретаторских концепций. М.: Музыка, 2013. 216 с.

Работа над Сонатами и партиями И.С. Баха в классе народного артиста России профессора М.И. Фихтенгольца. Авт.-сост.: Б.С. Кожамкулова, Т.Н. Казанская. Алма-Ата: Дайк-Пресс, 2012. 102 с.

Методика обучения игре на фортепиано (история фортепианной педагогики): рабочая программа дисциплины / авт.-сост. А.М. Меркулов М., 2014. 44 с.

БИБЕРГАН В. Висимские песни. Вок. цикл для сопрано и ф-но. 46 с.

БИБЕРГАН В. Нора. Концертная полька для двух ф-но в 8 рук. 24 с.

БИБЕРГАН В. Романсы из кинофильмов («Приходи на меня посмотреть» и др.). Для голоса и ф-но. Изд. 2-е, испр., доп. 24 с.

ФЕРТЕЛЬМЕЙСТЕР Э. До свидания, юность: хоры без сопровождения и в сопровождении фортепиано. М.: Издательский дом «Композитор», 2003. 96 с.

CD-диски

ДВЕ ТЕНИ. Антонио Сальери. Месса Ре мажор. Михаэль Гайдн. Реквием до минор». Исп. Муниципальный камерный хор «Нижний Новгород», дир. И. Стольников.

СЛОНИМСКИЙ С. Сочинения для хора. Петербургский камерный хор. Худ. Рук. Б. Абальян.

АЛЕКСАНДР ЦЫГАНКОВ. Старогородские мотивы. Исп. К. Фиш (домра), О. Гринес (фортепиано)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Главный редактор **Л.А. Птушко**

Редактор **О.В. Капустян**

Корректор **Е.В. Приданова**

Компьютерная верстка **И.В. Смирнов**

Выражаем благодарность музею ННГК им. М.И. Глинки
за предоставленные фотографии

Эти и другие статьи читайте на нашем сайте http://konsart.ucoz.ru

Газета «Консонанс»
ФГБОУ ВПО «Нижегородская государственная консерватория (академия) им. М.И. Глинки»
Главный редактор: Птушко Л.А.
Корректор: Приданова Е.В.

№№30-32 17.12.2014
Подписано в печать: 17.12.2014.
Дата выхода в свет: 17.12.2014.
Время подписания в печать по графику — 10.00 и фактическое — 10.00
Тираж — 100 экз.
Цена свободная
Адрес редакции: 603600, г. Нижний Новгород, ул. Пискунова, д. 40
Издатель: ФГБОУ ВПО «Нижегородская государственная консерватория (академия) им. М.И. Глинки»

© ФГБОУ ВПО «Нижегородская государственная консерватория
(академия) им. М.И. Глинки», 2014 г.